

№ 26

ГЕРОЙСКАЯ СМЕРТЬ ДАНИЛОВА

и

Коканскій бунтъ въ 1875 году

РАЗСКАЗЪ

Д. Иванова.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
„ДОСУГЪ и ДѢЛО“.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъячская, № 39.
1890.

Не зима-ли лютая поле чистое сковала,
Вѣтромъ-сиверкой былинку заметала;
Не волковъ-ли стая дикихъ рычала,
Коня борзаго средь степи окружала:
То Коканцы на солдата нападали;
Руки сильныя канатами вязали.
Ахъ ты, горе, мое горе, злая доля —
Какъ спозналъ удалый молодецъ неволю.....
Не печалить плѣвнѣ-неволюшка его,
А кручинить, что велятъ ему отречься отъ всего:
Отъ отца своего, отъ матушки родной,
Отъ Россейшки, отъ родины своей.
Какъ оставить вѣру русскую велятъ,
И за это всяки почести сулятъ.....
Да какъ двумъ сердцамъ въ груди одной не быть, —
Такъ и злому ворогу измѣны не купить!

1. Коканское ханство.

Въ прежнее время въ Туркестанскомъ краѣ было три большихъ ханства: Коканское, Бухарское и Хивинское. Съ этими-то ханствами и пришлось воевать русскимъ. Ближе другихъ къ намъ были коканды, и съ ними прежде всего началась война.

Много лѣтъ воевали русскіе съ коканцами и забирали себѣ одинъ за другимъ коканскіе города. Наконецъ, въ 1865 году генералъ Черняевъ взялъ большой и очень важный городъ Ташкентъ. А въ слѣдующемъ году генералъ Романовскій взялъ другой большой городъ Ходжентъ. Къ этому времени отъ прежняго Коканскаго ханства осталось уже меньше четверти. Русскіе обошли Коканъ съ трехъ сторонъ. Поняли коканцы, что съ русскими имъ не сладить и смирились. Ханъ ихъ Худайяръ прислалъ своихъ пословъ миръ заключать. Заключили миръ. Сталъ Коканъ съ Россіей добрыми сосѣдами.

Но въ самомъ Коканскомъ ханствѣ жизнь шла по прежнему. Съ издавна въ немъ было два главныхъ племени: одно — *узбеки*, жившіе больше по городамъ и большимъ селамъ; другое — *кипчаки* (прежніе киргизы), которые до сихъ поръ еще не бросили своей прежней кочевой жизни и потому селились около горъ и степныхъ мѣстъ, гдѣ имъ можно было пастись свои стада.

Съ поконъ вѣка узбеки съ кипчаками были лютыми врагами. Съ поконъ вѣка шла между ними борьба не на животъ, а на смерть. Узбековъ было больше и они были богаче. Но не могъ вольный кипчакъ влнаться узбеку; не хотѣлъ смѣлый покориться богатому.

Подымалась война.

Побивали узбеки кипчаковъ, садили въ Коканъ своего узбекскаго хана. Вокругъ хана и по всему ханству, всѣ начальники, всѣ чи-

новники, всѣ сборщики и судьи являлись узбеки. Плохо становилось кипчаку. Вездѣ его тѣснили, жали и давили узбекъ; вездѣ его обирали, сажали въ тюрьмы и казнили все тотъ же узбекъ—владыка. Терпѣлъ кипчакъ, жалея, но покориться не хотѣлъ. Наставало его время—и всѣ кипчаки вставали разомъ, какъ одинъ человѣкъ; по всему ханству поднимался бунтъ, собирались ихъ смѣлныя войска и шла на узбековъ. Бѣжалъ узбекскій ханъ изъ Кокана, на его мѣсто садился ханъ кипчакскій. Наставала пора и узбекамъ расплачиваться такъ же, какъ платились кипчаки; гнулись теперь узбекскія спины, собирались узбекскія деньги, лилась узбекская кровь.

Оправлялись послѣ разгрома узбеки, снова одолевали своихъ враговъ—и снова летѣли кипчакскія головы.

Худаяръ-ханъ, хотя и былъ кипчакъ родомъ, но держался узбековъ. Два раза уже ему приходилось на своемъ вѣку бѣгать изъ Кокана, и теперь его третій разъ сдѣлали ханомъ. Худаяръ отлично понималъ, что ему необходимо смириться передъ русскими и ничѣмъ не задѣвать своего сильнаго сосѣда.

Хотя онъ и не любилъ русскихъ, но старался не показывать этого. Напротивъ, Худаяръ всегда называлъ себя себя другомъ Россіи, увѣрялъ, что онъ самый смиренный и покорный ея сосѣдъ. И въ самомъ дѣлѣ, прошелъ годъ со взятія Ходжента; у русскихъ началась война съ бухарцами и продолжалась два года, пока въ 1868 году генералъ Кауфманъ не покорилъ горъ Самарканда. Коканцы ни разу не нарушили мира.—Прошло еще два года; у русскихъ завязалась война съ горцами, рядомъ съ Коканомъ. Худаяръ и тутъ остался въ сторонѣ. Въ 1873 году, въ большую войну съ Хивой, опять Худаяръ-ханъ держался мира. Такъ прошло почти десять лѣтъ. Словомъ, Худаяръ-ханъ по виду такъ велъ свои дѣла, что Коканъ съ Россіей оставался въ мирѣ и въ ладу.

Но не такъ онъ держалъ себя дома, съ своими коканцами. Онъ былъ золъ и жаденъ. Онъ не могъ забыть, что его два раза прогнали изъ ханства, и страшно мстилъ за это кипчакамъ. Поборы за поборами, налоги за налогами, казни за казнями шли въ Коканъ по приказанію хана. Вездѣ были доносчики и наушники, которыхъ держалъ при себѣ ханъ и щедро награждалъ за доносы. Не разъ уже были при немъ бунты. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ поднимался народъ

противъ него и его чиновниковъ. Худаяръ только сильнѣе злился, только ужаснѣе придумывалъ казни. Поднялся наконецъ большой кипчакскій бунтъ. Ханъ послалъ войска. Кипчаки смирились. Худаяръ приказалъ прислать къ себѣ всѣхъ старшинъ и общалъ ни одного не тронуть. Пріѣхали старшины, и всѣхъ ихъ казнили. Скоро за этимъ онъ сталъ казнить и своихъ. Онъ сдѣлался ужасно по-доверителенъ, вездѣ видѣлъ заговоры и намѣну. Наконецъ, казненъ былъ его первый министръ. Повидимому, ему стало уже все равно: чьи собирать деньги, чьи отсѣкать головы—кипчакскія-ли, или узбекскія.

Заговорилъ народъ о поборахъ, о казняхъ. Сперва шопотомъ говорили, потомъ стали и вслухъ поговаривать, пошла басня, что Худаяра во всемъ учатъ русскіе, что невѣрныя собаки, «гаурн», хотятъ всѣхъ мусульманъ вырѣзать и что Худаяръ заключилъ тайный уговоръ съ Россіей, чтобы ни одного коканца не оставить въ живыхъ.

2. Б у н т ь.

Сталъ народъ собираться, сговариваться. Явились въ народъ его муллы.

— Правовѣрные! крикнула они. Настало великое время! Долго мы терпѣли, какъ Худаяръ-ханъ, по русскому наущенью, грабилъ и рѣзалъ народъ божій. Великій Аллахъ и пророкъ его Магометъ повелѣваютъ своему народу возстать противъ невѣрныхъ собакъ-русскихъ! Тотъ, кто убьетъ русскаго—будетъ въ раю Магомета! Кто отрѣжетъ три русскихъ головы—будетъ сидѣть рядомъ съ пророкомъ! Кто посадитъ пять русскихъ головъ на колъ—тотъ будетъ ѣсть и пить изъ одной чаши съ великомъ посланникомъ Аллаха! Вставайте, правовѣрные, точите ваши сабли, заряжайте ваши ружья, сдѣлайте вашихъ коней! Смерть всѣмъ русскимъ! Смерть всѣмъ невѣрнымъ! Такъ учитъ великій пророкъ! Вмѣстѣ съ нами возстанутъ на всей землѣ всѣ магометане, вырѣжутъ всѣхъ христіанъ, и настанетъ великое и славное царство Магомета!

Загудѣлъ народъ. Затуманилось у него въ глазахъ, зажглась въ груди горячая злоба.

— Смерть русскимъ! Такъ повелѣлъ Магометъ! кричали муллы.

— Смерть невѣрнымъ-собакамъ! заревѣлъ за ними народъ и винулся домой за оружіемъ.

Покатился бунтъ, какъ волна морская, какъ ковыль по степи, какъ снѣжная глѣба съ горы.

— Долой Худаяра—отступника! долой всѣхъ его помощниковъ, что продали насъ русскимъ! Смерть всѣмъ невѣрнымъ! Лейся русская поганая кровь, омываясь въ ней святая сабля Магомета! встали крики коканцевъ, собиравшихся со всѣхъ сторонъ въ поля и шайки.

Худаяру оставалось одно—бѣжать скорѣе изъ Кокана, гдѣ не только никто не считалъ его болѣе ханомъ, но каждую минуту онъ могъ опасаться, что его зарѣжутъ. Бѣжать ему было некуда, кромѣ русскихъ. На его счастье, какъ разъ въ это время въ Коканѣ было наше посольство съ конвоемъ 22 казаковъ. И вотъ этимъ-то двадцати двумъ казакамъ привелось охранять во время пути коканскаго владыку, бѣжавшаго со всѣмъ своимъ домомъ, и всю дорогу отбиваться отъ преслѣдовавшихъ ихъ шайекъ.

Коканскій бунтъ шелъ все шире и шире. Муллы ходили изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, изъ кочевки въ кочевку; вездѣ говорили проповѣди, читали и раздавали народу писаннымъ воззваніямъ.

Изъ коканскихъ деревень они прошли въ наши, и тамъ также стали смущать народъ. Начали и тутъ собираться люди, читать и слушать, что написано въ святыхъ бумагахъ. Заговорилъ втихомолку магометанскій народъ и на нашей землѣ. Сходились, шептались; стали запираеть лавки, прятать свое добро въ землю, увозить тихонько въ горы, въ камыши. Вездѣ чулось что-то недоброе; всѣ чего-то боялись, чего-то ждали страшнаго. Всѣ притихли, какъ передъ большой бурей. Въ самомъ дѣлѣ гроза собиралась: поднимался весь Коканъ поголовно; судилъ, что за нимъ поднимется вся Бухара, вся Хива, афганцы, персіане, турки, всѣ магометане на землѣ; поднимутся изъ гробовъ святые, настанетъ Магометово царство.

А коканскіе шайки спускались съ горъ и двигались къ нашей границѣ. 6-го августа одна изъ нихъ перешла русскую границу и заняла нашу деревню. За ней шли другія. Десять тысячъ воору-

женных коканцевъ разошлись вдоль границы по нашимъ деревнямъ и бунтовали народъ. Другіе бросались на почтовую дорогу, пожгли станціонные домики, порѣзали сторожей и ямщиковъ, а нѣкоторыхъ увели въ плѣнъ. Напали на дорогѣ на проѣзжихъ доктора и казначея и обонхъ убили. Съ докторомъ ѣхала его шестилѣтняя дочка; малютку увели въ плѣнъ. На другихъ станціяхъ тоже удалось захватить нѣсколько ѣхавшихъ русскихъ.

Одна изъ шайкъ напала на стеклянный купеческій заводъ, стоявшій въ 12 верстахъ отъ города, и осадила 16 человекъ рабочихъ, которые заперлись въ ябѣ и стали отстрѣливаться.

Вслѣдъ за шайками двинулись и другія войска коканцевъ, чтобы напасть на нашъ городъ Ходжентъ, самый близкій къ границѣ. Четыре дня пытались коканцы пробраться въ сады, ворваться въ ворота города, взять штурмомъ мостъ черезъ рѣку.

Большія парты показались также и около двухъ другихъ нашихъ укрѣпленій.

Какъ только въ Ташкентѣ было получено извѣстіе о переходѣ коканцевъ чрезъ нашу границу, въ ту же ночь были двинуты два отряда: одинъ въ горы, къ пограничнымъ деревнямъ, а другой въ Ходжентъ, гдѣ наши войска уже дрались съ коканцами.

Недолго пришлось русскимъ дожидаться извѣстій изъ отрядовъ. Скоро двѣ шайки въ нѣсколько тысячъ были разбиты генераломъ Головачевымъ и бѣжали въ Коканъ. Подъ Ходжентомъ всѣ приступы были не только отбиты, но непріятель также былъ прогнанъ за границу.

Прогнавши коканцевъ, наши отряды къ 18-му числу собрались въ Ходжентъ и соединились съ главнымъ, который пришелъ изъ Ташкента съ генераломъ Кауфманомъ.

— Коканцевъ побили! Коканскія войска бѣжали! Русскіе побѣдили коканцевъ во всѣхъ мѣстахъ! передавали наши жители другъ другу вѣсти изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, отъ базара къ другому. Мирный народъ успокоился, что туча прошла мимо и горе войны не задѣнетъ его дома и его хозяйства. Тѣ же, кто былъ радъ войнѣ, притихли.

Но разгромить двѣ шайки и прогнать третью съ нашей земли за границу было еще мало. Надо было разбить всѣ войска коканцевъ,

требовалось наказать бунтовщиковъ такъ, чтобы они на долго запомнили, что значить врываться на чужую землю и подымать войну ни съ того, ни съ сего.

3. Война съ Коканомъ.

Наши войска съ генераломъ Кауфманомъ двинулись въ Коканское ханство.

Въ это время лазутчики донесли, что коканцы собрались, подъ начальствомъ Автобачи, въ 40 верстахъ отъ Ходжента, около города Махрама. Нашъ отрядъ шелъ на легкѣ: людямъ выдали на 4 дня сухарей и патроны; въ обозѣ шли только одни кухни да заряды.

21 августа наши войска перешли границу и вступили въ Коканское ханство.

Черезъ нѣсколько верстъ впереди показались уже коканскіе пикеты. Съ этого же дня началась для отряда боевая жизнь, съ которою не разставался много мѣсяцевъ.

На другой же день русскіе одержали большую побѣду подъ коканскою крѣпостью Махрамъ, гдѣ было взято 39 пушекъ и полторы тысячи ружей. Коканцевъ въ этомъ дѣлѣ, какъ говорятъ, было не меньше 30 тысячъ.

Оставивъ въ Махрамѣ двѣ роты солдатъ, генералъ Кауфманъ съ отрядомъ двинулся къ городу Кокану. Еще дорогой встрѣтило Кауфмана посольство новаго коканскаго хана, по имени Насреддина. А когда отрядъ подошелъ къ самому Кокану, его привѣтствовало новое посольство съ подарками, и привезло тѣхъ изъ нашихъ плѣнныхъ, которые были въ это время въ Коканѣ.

Городъ Коканъ былъ занятъ нашими войсками безъ выстрѣла.

Но вмѣстѣ съ этимъ бунтъ въ ханствѣ не прекратился. Начальникъ бунта Автобачи, разбитый подъ Махрамомъ, опять набиралъ себѣ войска и бунтовалъ народъ. Шайки его и мелкіе отряды ѣздили всюду, гнали народъ на войну, собирали подати, грабили и убивали тѣхъ, кто не хотѣлъ ихъ слушаться, жгли деревни и разбойничали ужасно.

Когда Кауфманъ узналъ, что Автобачи стоитъ съ войсками подъ городомъ Маргеланомъ, онъ послалъ туда русскій отрядъ. Автобачи

бѣжалъ. Его нагнали наши казачьи сотни и разбили его войско около Минтубе, такъ что самъ Автобачи едва спасся съ нѣсколькими людьми.

23-го сентября, послѣ того какъ съ новымъ коканскимъ ханомъ былъ заключенъ договоръ, по которому всѣ земли, что лежатъ по правую сторону рѣки Сыра, т. е. почти половина Коканскаго ханства, отошли къ Россіи, нашъ отрядъ ушелъ изъ Маргелана, перешелъ рѣку и сталъ въ городѣ Наманганѣ.

Новыя земли были названы Наманганскимъ отдѣломъ.

Но только что стали на мѣсто русскія войска, какъ уже разнесся слухъ о новомъ бунтѣ. Явился самозванецъ Пулатъ-ханъ, который соединился вмѣстѣ съ Автобачи, взбунтовалъ коканскихъ киргизъ, объявилъ себя ханомъ всего Коканскаго ханства и разослалъ во всѣ мѣста проповѣдниковъ сзывать народъ на священную войну противъ русскихъ гяуровъ.

Русскій отрядъ въ 1,400 человекъ, при восьми пушкахъ, былъ тотчасъ же посланъ съ генераломъ Троцкимъ противъ новыхъ войскъ Пулатъ-хана. 1-го октября отрядъ двинулся на приступъ города Андиждана. Цѣлыхъ 15 тысячъ киргизской конницы бросались—было помѣшать приступу, но ихъ сразу осадили наши пушки.

Отрядъ пошелъ на штурмъ и, послѣ нѣскаго дѣла въ садахъ и въ городѣ, взялъ Андиджанъ.

Чтобы наказать жителей, большая часть города была сожжена и разбита.

На третій день отрядъ пошелъ обратно. Вскорѣ его стали обурывать конные киргизскіе полки, и онъ долженъ былъ идти и все время отстрѣливаться. Такъ шло до вечера. На слѣдующій день опять начались стычки. Коканцы не оставляли отряда и вездѣ по дорогѣ дѣлали нападенія, по всякій разъ ихъ отбивали. А въ ночь на 5-е октября одной нашей казачьей сотнѣ удалось совершенно врасплохъ напасть на лагерь коканцевъ, когда они никакъ этого не ожидали. Непріятель бросился бѣжать во всѣ стороны и до того былъ напуганъ этимъ нападеніемъ, что—говорятъ—однѣхъ чалмъ казаки набрали до двухъ тысячъ штукъ. На мѣстѣ осталось до ста убитыхъ коканцевъ и много оружія.

Но, несмотря на то, что русскимъ войскамъ столько разъ при-

ходилось разбивать коканцевъ, и что куда только являлись русскіе, вездѣ непріятель долженъ бѣжать,—война все-таки еще не кончилась.

Такъ, въ концѣ октября мѣсяца на нашей сторонѣ явились новыя шайки. Когда часть нашихъ войскъ выступила изъ Намангана, чтобъ разогнать эти шайки, въ это время къ городу подступили коканскія полчища и всѣ жители взбунтовались.

Три дни держали они въ осадѣ русскихъ и только на четвертый день удалось нашимъ прогнать непріятеля. Въ то-же время въ гор. Коканѣ вспыхнулъ новый бунтъ. Бунтовщики напали на недавно посаженнаго хана Нассредина, зачѣмъ онъ не воевалъ съ русскими, а заключилъ съ ними миръ,—и молодой ханъ, поспѣвши на ханскомъ престолѣ только мѣсяцъ, бѣжалъ изъ своего царства.

Все это заставило еще разъ послать отрядъ. 12-го ноября подъ Балыкчамъ были снова разбиты и разогнаны коканцы, гдѣ ихъ собралось, какъ говорили, до 20 тысячъ.

Этимъ кончились наши осенніе походы и битвы съ Коканцами. Наступилъ перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ ровно на полтора мѣсяца. Осенняя погода и близкая зима заставляли подумать объ устройствѣ помѣщеній для войскъ, которымъ, кромѣ того, надо было дать и отдыхъ, и время, чтобы привести въ порядокъ свое хозяйство и снаряженіе.

Тѣмъ временемъ на лѣвой коканской сторонѣ рѣки Сыра бунтъ шелъ своимъ порядкомъ.

Тамъ нашлось слишкомъ много такихъ людей, которымъ было выгодно это смутное время и которыхъ война и кормила, и одѣвала, и дѣлала въ одинъ день изъ бѣдняка и проходимца—богача и властнаго начальника. Настало время, когда всякій попъ былъ баткой, всякій предводитель шайки былъ губернаторомъ. Тотъ, кто умѣлъ себѣ набрать побольше головорѣзовъ, дѣлался и главнымъ въ городѣ, и цѣломъ округѣ. Народъ не зналъ кого слушать, кому платить. Онъ сбился съ толку и слушалъ каждого. Ему говорили, что виноваты во всемъ русскіе, гауры. Ему говорили, что настало время, когда русскіе должны быть всѣ вырѣзаны, и что всѣ богатства, которыя есть у русскихъ, достанутся въ руки коканцевъ. Народъ вѣрилъ и брался за оружіе. Съ каждымъ днемъ путаница становилась

больше, съ каждымъ днемъ народъ бросалъ свои дома и шелъ въ войска, съ каждымъ днемъ онъ дѣлался изъ мирнаго жителя все больше разбойникомъ и искалъ случая выместить все зло на собакахъ-русскихъ. Смирный землепашецъ дѣлался бродягой и видѣлъ, что бродягой и разбойникомъ теперь быть гораздо выгоднѣе, чѣмъ пахать землю.

Благо было заварить такую кашу, а расхлебать ее можно было не скоро. Трудно сдвинуть съ мѣста народъ, а потомъ унять его сразу невозможно. Не даромъ же онъ бросалъ свой домъ, свою семью, свои поля. Ему надо было на комъ-нибудь все это выместить, съ кого-нибудь взискать.

Мушкетеры показывали на русскихъ.

4. О б о з ы.

Оставалось еще далеко до конца войны. Русскіе были на правой сторонѣ рѣки, стало быть на лѣвой можно было дѣлать что угодно. Если русскіе отряды и являлись сюда, и разбивали команцевъ, то стоило только отряду уйти на правую сторону, чтобы въ тѣхъ же мѣстахъ снова собирались шайки, снова грабили и бунтовали, снова набиралось охотниковъ до войны и разбоя, которые или разсыпались по одиночкѣ, или сбивались въ огромныя полчища.

Въ это самое время изъ Ташкента тянулся обозъ. Онъ шелъ къ Наманганъ, гдѣ стоялъ нашъ отрядъ. Множество арбъ о двухъ огромнѣйшихъ колесахъ тянулось до дорогѣ. Въ каждой арбѣ было запряжено по одной лошади. На каждой лошади, на сѣделѣхъ, сидѣлъ извозчикъ, правилъ, качаясь въ тактъ шагу лошади. Никогда немазанныя колеса скрипѣли, какъ ворота у околицы. Тяжелыя желѣзные бляхи на сѣделкахъ звякали словно бандалы. Впереди шли солдаты. Вдоль всего обоза тоже растянулись служивые и приглядывали за возами.

Былъ ноябрь мѣсяцъ. Осенніе дожди совсѣмъ испортили дорогу. Вездѣ были выбоины и ухабы; въ оврагахъ грязь непролазная. Глина распустилась, облѣпила саженины ободья у колесъ и висѣла комьями. Обозъ растянулся по дорогѣ. То и дѣло становилась лошадь, дру-

гал; застревала арба въ выбоинѣ; наваливался возъ на косогорѣ. Измученныя лошади тяжело тащились по скверной дорогѣ. Рабочіе солдаты, загнувъ винтовки за спины, переходили отъ воза къ возу помогать въ трудныхъ мѣстахъ.

Крикъ и руганъ провожали почти каждую арбу.

Наконецъ, дорога выправилась, выйдя на ровное мѣсто. Лошади пошли ровнѣе. Двое извозчиковъ даже затянули визгливыми головами свои татарскія пѣсни. Солдаты вздохнули полегче, сошли съ дороги и пошли сторонкой. Постукали рабочіе люди въ землю ногами, чтобы стряхнуть грязь съ сапоговъ, поправили шанки и ружья, и табачку захотѣлось.

— Вотъ закуру я теперь сигарку; по ровному-то мѣсту на семь верстъ хватить, полѣвъ одинъ въ карманъ за табаконъ.

— Не хвались впередъ-то! Смотри, какъ-бы черезъ полверсты опять въ арбу не пришлось впрягаться.

— Зачѣмъ? Теперь дорога ровная пошла. Вонъ и извозчики сказывали—дорога все хорошая поидетъ. Только бы коканцы не напали, а то я всю дорогу теперь бариномъ пойду, прибавилъ солдатъ.

— Коканецъ-то теперь поди гдѣ ужъ: онъ какъ увидалъ, что русскій солдатъ идетъ, ухъ, какъ залился подалеже!

— Теперь смирно, онъ боится. Убѣжалъ въ горы со страху-то! Онъ на дорогу и носъ теперь показать боится. Задали ему ловко.

— Задали, задали, а все-жъ онъ не мирится. И посейчасъ шайки ходятъ.

— Шайки ходятъ гдѣ? Развѣ здѣсь? Онѣ по ихъ деревнямъ, по закрапкамъ гоняютъ. А здѣсь ты его съ огнемъ не сыщешь.

— Знаешь ты рожна! Давно ли, вонъ сказывали, шайку видали?

— Такъ гдѣ видали-то, околѣлый? Нешто здѣсь? Возьми глаза-то въ зубы.

— Ахъ, какой разсудительный нашелся! Знаютъ поди съ твоего! Горласта лоханы! здѣсь и есть видали.

— Да что ты лаешься-то, сивый! ахъ взаправду страшно стало, какъ бы коканецъ тебя не сгрѣбъ? Небось, попадешь къ нему—ничего не сдѣлаетъ: только поставитъ на огорождъ замѣсто пугала, воробьевъ пугать.

— Тебя, краснорылый, не поставили бы, съ носомъ-то! переругивались спорщики.

— Стой! стой! закричали сзади.

— Что тамъ еще? оглянулись солдаты.

— Арба сломалась. Ахъ шутъ-те! Вотъ тебѣ и ровная дорога! выругались солдаты и нѣкоторые пошли назадъ.

Почти въ самомъ хвостѣ обоза стояла арба, накренившись на бокъ. Разшатавшіеся спицы не выдержали проклятой дороги и выхлѣли изъ обода и ступицы.

5. Поганое колесо.

Арбу окружили солдаты.

— Что-жъ теперь дѣлать? Ее бросать надо, сказалъ кто-то.

— А куда вещи-то дѣть? Разложить развѣ на другія?

Пошли гадать и спорить, какъ съ вещами быть.

— А такъ и быть, что все на той же арбѣ везти, порѣшилъ чей-то голосъ. Чего здѣсь яря собрались, галдите!

Говорившій былъ унтеръ-офицеръ.

— Гдѣ же на ней везти, Гома Даниличъ? Разложить бы.

— Ахъ, Господи, словно я не знаю! Теперь раскладывать, весь обозъ остановить, изъ-за нея изъ—за одной! А просто дѣло: поднять ее, поправить колесо, и пойдеть. Всѣ онѣ на одинъ манеръ. Клинья вбить новые и готово.—Ну-ка, подымай! крикнулъ онъ солдатамъ.

Солдаты подняли. Даниловъ подлѣзъ подъ арбу, выправилъ спицы и вклялъ тихонько опустить.

— Вотъ и вся работа. Теперь клинья новые поставить—хоть до Питера поѣзжай!

Онъ крикнулъ извощику, чтобъ тотъ далъ топорикъ, досталъ запасную палу и взглянулъ на солдаты.

— Чего жетутъ стоите! Ступай къ своимъ арбамъ, да я трогай!

— Какъ же трогать-то! А эта какъ? спросили солдаты.

— А вотъ вставляю клинья и догоню. Не стоять же изъ-за нея всему обозу.

Кто же при арбѣ-то останется?

— Кто останется? переспросилъ Даниловъ, начавшій уже обтесывать колъ и прилаживать къ колесу. Да я останусь. Вы ужъ за своими смотрите.

— Какъ же такъ одному вамъ, Ома Данилычъ, остаться? одному опасно.

— Ахъ, Боже мой, страсть какая! Тебѣ опасно—такъ ты и иди.

— Все же одному.

— И чего только они баялись точутъ! Весь обозъ въ-ва такой малости остановили. Пошелъ, гони лошадей! Пускай заднія объѣзжаютъ. Вы еще объѣхать не успѣете, какъ у меня арба новая будетъ.

Даниловъ положилъ ружье на землю, крикнулъ что-то возчику и принялся таять топоромъ.

Арбы тронулись. Послѣдніе солдаты обвели задніе веза, объѣхали сломанную арбу, поглядѣли на Данилова, крикнули ему: скорѣе! и пошли.

— Какъ скоро, такъ сейчасъ!! крикнулъ имъ въ свою очередь Даниловъ.

— Аль сломалось? Чего плотничаешь, Даниловъ? Вишь, въ колесники попалъ! говорилъ всякій свое слово, объѣзжая съ арбами Данилова.

Даниловъ, не отвѣчая почти ни слова, продолжалъ строить свою арбу.

— Поспѣвай—а то останешься! крикнулъ ему голосъ.

— Готово! отвѣтилъ Даниловъ, и послѣдній разъ ступнулъ топорикомъ.

— Ну ты, лысый! крикнулъ онъ возчику. запрыгай живѣе!

Молодой парень въ ермоликъ и рваномъ халатишѣ бросился къ лошади, завелъ въ оглобли, вспрыгнулъ на сѣделку и поднялъ нагайку. Лошадь легла всей грудью въ огромный кожаный хомутъ, заскрипѣли намазанные оси, и арба пошла по дорогѣ.

Даниловъ постоялъ на мѣстѣ съ топорикомъ въ рукѣ, посмотрѣлъ вслѣдъ своей исправленной арбѣ, потомъ поднялъ ружье и пошелъ скорымъ шагомъ. Впереди, саженяхъ въ пятьдесятъ, шелъ обозъ, раскачивались огромные везы, блестяшки шедшихъ солдатъ.

Дорога стала забирать на лѣво, обошла небольшой бугоръ и пошла легкимъ спускомъ.

Возъ за возомъ пропадали за поворотомъ. Вотъ и послѣдняя арба скрилась. Даниловъ остался одинъ съ своей двухколесной скрипучей толѣгой, и ровнымъ шагомъ шелъ рядомъ съ ней, поглядывая на колесо.

— Правѣй, правѣй бери! правѣй, чертовъ сынъ! вдругъ заругался Даниловъ на извозчика.

Тотъ оглянулся и ударилъ лошадь.

Что-то не ладно треснуло у арбы, и она впиалась болѣннымъ колесомъ въ огромный камень. Лошадь встала какъ вкопаная.

Колесо опять не годилось. Возъ тихо поползъ на лѣвый бокъ.

— Ахъ, ты дурья образина, нѣмой чортъ! выругался Даниловъ и бросился поддерживать возъ.

Пришлось снова остановиться, выпрячь лошадь, положить ружье и взяться за топорикъ и новые клинья.

Впереди не было видно никого. Кругомъ шли голые холмы. На лѣво видѣлась брошенная жителями деревня. Все было пусто и голо. Нигдѣ ничего живого.

Изъ за какого-то бугра поднялась одинокая большая черная птица и тихо потянула къ сломанной арбѣ, около которой возникли два человѣка.

— Кррр...кррр! закричала птица и повисла надъ людьми въ воздухѣ, распустивъ крылья и вытянувъ шею. — Кррр...кррр! крикнула она имъ еще разъ.

— Ну, закаркалъ дьяволъ! поднялъ Даниловъ сердито голову вверхъ. — Я-те покаркаю, черномазый дьяволъ!

— Крррр... длиннѣе прежняго протянулъ въ отвѣтъ огромный воронъ и также ровно полетѣлъ дальше.

— На свою голову... сквозъ зубы проворчалъ солдатъ.

— Крррр... крр! едва слышно издали долетѣла еще разъ до него непонятная птичья рѣчь.

6. В о л к и.

Это былъ канунъ того дня, когда у Данилова сломалась арба.

Была холодная ночь. Моросилъ осенній, длинный дождикъ. Вездѣ тихо, ни одного голоса, никакого крика. Только шумить ровно

дождь, всплескиваетъ по лужамъ, стучать по твердому бугру. Даже вѣтра нѣтъ, словно и онъ спрятался отъ этой сырости, отъ этого ровнаго пробивающаго дождя.

По лужамъ на пустынной дорогѣ зашлепали чья-то ноги. Въ обмытые камни залинуло желѣзо. Опять стало тихо. Опять что-то захолопало по лужамъ. Яснѣе, яснѣе. Можно разобрать, что это лошади. Но никого не видно. Слышно уже, какъ брякаютъ при каждомъ шагѣ удила, а все-таки не разглядишь, есть-ли на лошади чеповѣкъ.

Въ сторонѣ отъ дороги пронесся тихій, высокій свистъ.

Лошадь остановилась. Съ дороги свистнула также.

— Это ты, Курдайка? спросилъ голосъ по-казацки.

— Мурадъ? спросилъ и другой голосъ въ отвѣтъ.

Лошадь свернула съ дороги.

— Гдѣ наши-то?

— А вотъ тутъ, недалеко, въ деревнѣ. Ай-да!

Двое верховыхъ поѣхали безъ дороги, напрямикъ, чрезъ бугры и холмы. Черезъ нѣсколько времени они свернули еще лѣвѣе и поѣхали въ небольшое ущельице. Еще стало темнѣе. Внизу бѣжала и шумѣла рѣчка, въ которой отъ дождей прибыло сильно воды. Казацки поѣхали не останавливаясь по знакомымъ мѣстамъ и всю дорогу болтали о новостяхъ.

— А что баранта есть? спрашивалъ Мурадъ.

— Баранта есть, да не у насъ. Ахмедъ со своей шайкой два дня назадъ большую баранту взялъ. Подъ городомъ заѣзжій дворъ весь чисто обобралъ. Одѣялъ сколько! рубахъ сколько! халатовъ пропасть! чапанъ-то пропасть! кушаковъ-то пропасть! коровъ-то еще больше! барановъ-то еще больше! Вѣда много! Ахъ, очень много! очень богато! рассказывалъ Курдайка.

Слушавшій только щелкалъ языкомъ.

— А лошадь есть? спросилъ онъ.

— У! лошади сколько! много лошади! отличная лошадь! молодецъ лошадь! Ахъ, хороша! больно хороша. Ахмедъ богатъ сталъ, большой, огромный богачъ, большой купецъ.

— А дѣвка была? продолжалъ расспрашивать Мурадъ.

— Дѣвка-то? дѣвка отличная была! много дѣвки было. Бѣ-

лая дѣвка, румяная дѣвка, глаза-то черные, большіе! Молодая дѣвка, жирная-разжирная дѣвка! Ахмета джигиты всѣхъ дѣвокъ къ себѣ разобрали. Драка изъ-за дѣвки. Больно даѣ дѣвки хороши были — десять лѣтъ только, молодые дѣвки. Изъ-за нихъ и драка была. Гамидкѣ ухо, Джурабайкѣ руку портили, Алайкѣ голову пробили — все изъ-за дѣвки дрались. Ахъ, баранта хороша! Ахъ, Ахметка богатъ сталъ!

— Вотъ, чтобъ его отцу гробъ перевернуло, поганая собака этотъ Ахметка! выругался другой. — Погоди, на него нашего надо напустить. Мы ужъ который день зря живемъ. Скоро жрать нечего будетъ.

— Ничего нѣтъ? спросилъ пріѣхавшій.

— Совсѣмъ ничего. Пять коровъ поймали, тридцать барановъ поймали, десять козъ поймали — только и есть. Два аула разбили, троемъ пастухамъ башки рѣзали, двѣ бабы нашли — только и есть. Пять лошадей отбили, двѣ арбы съ хлѣбомъ достали, — только и есть. Рылись, рылись, стегали, стегали извозчиковъ — три халата рваныхъ, больше ничего нѣтъ. Отдули да и прогнали. Только и всего.

— Ханъ присмирѣлъ больно, да и Автобачи тоже боится русскихъ. Сидятъ зря. Шли бы войной — вотъ тогда и намъ потѣха была бы. И мы богаты бы стали, богаче Ахметки. Опять баранта бы пошла. А теперь не разгуляешься.

— Погоди — будетъ на чемъ зубы поточить. Я штуку знаю.

— Какую?

— Кто ѣдетъ? окрикнулъ ихъ въ это время голосъ.

— Джигать раба Магомета! отвѣтилъ Курдайка.

— Да благословить тебя Аллахъ, если съ добрыми вѣстями.

— Баранта есть? спросилъ другой караульный.

— Баранты нѣтъ.

— О, чтобъ тебя всѣ черти въ адъ за бороду утянули, поганая харя! Дармоѣды, только зря шлетесь, а жрать такъ къ намъ! заругались и заворчали на нихъ караульные.

Они вѣхали въ деревню.

— Табавъ есть, что-ли? крикнули уже вслѣдъ пыхъ сгорожи.

— Есть.

— Дай, пожалуйста, два дня ужь безъ табаку сидимъ.

Пріѣхавшіе остановились. Сторожа подошли къ нимъ.

— Ахъ, табачокъ хорошъ! больно хорошъ! едва выговорили они, набивши ротъ нюхательнымъ табакомъ и сплевывая слюну.

7. Волчій островъ.

Въ пустой, разоренной и кинутой жителями деревнѣ было совершенно темно и тихо. Глиняные низенькіе домики, точно стѣны послѣ пожара, лѣпились одинъ возлѣ другого. Голыя деревья садовъ, какъ обгорѣлыя, протянули свои вѣтки надъ мазанками. Бѣдно, жалостно, пусто. На улицѣ лужи, ручьи, камни и выбоины заставляли лошадей то и дѣло спотыкаться и останавливаться.

Наконецъ, впереди блеснулъ огонекъ и послышались голоса. Курдайка и Мурадъ поѣхали шибче и остановились передъ воротами. Вскорѣ имъ отперли и они въѣхали на большой дворъ, весь заставленный лошадьми. Въ савяхъ вокругъ двора свѣтились на полу огни, сидѣли люди и о чемъ-то болтали. Въ углу подъ навѣсомъ, около большого огня, тоже собрался народъ. Только-что слышался скрипъ воротъ, какъ изъ всѣхъ савей высунулись головы, окрикнули Курдайку и стали прислушиваться. Разговоры смолкли.

Джигиты привязали лошадей въ первому колу среди двора и подѣли на корточкахъ подъ навѣсомъ къ огню, на которомъ стояло два котла.

— Здорово! сказали имъ повара. Холодно?

— Бѣда — холодно! А-яй дорога дрянъ! дождикъ-то дрянъ, время-то дрянъ! отвѣтилъ Курдайка, грѣя мокрыя руки передъ огнемъ. — Что варишь? спросилъ онъ съ голоду.

— Пилавъ варю, отвѣтилъ нехотя поваръ. — А баранта есть? покосился онъ на мокраго Курдайка.

— Нѣтъ, баранты нѣтъ, щелкнулъ языкомъ Курдайка.

Повара отвернулись отъ него и перестали съ нимъ гонорить.

Изъ савей тотчасъ же приѣхало нѣсколько другихъ джигитовъ, посидѣли съ минуту рядомъ съ Курдайкой, справились на счетъ баранты и разошлись съ ругательствами снова по своимъ савьямъ.

Тамъ ихъ ждали.

— Чтѣсть встрѣтили вернувшихся.

— Ничего нѣтъ, отиѣтили тѣ. Развѣ эти черти умѣютъ что-нибудь сдѣлать? Ѣздилъ сколько дней, а прѣхалъ съ пустыми руками! Всѣ стали страшно ругаться, что нѣтъ добычи.

— Вотъ, сколько времени такъ-то попусту живемъ. У меня ужъ ножъ заржавѣлъ; пожалуй, случится и носа сразу не отрѣжетъ, засмѣлся одинъ.

— Ножъ не отрѣжетъ, такъ шашка отсѣчетъ, отиѣтилъ другой. А вотъ плохо — время дрянное.... Охъ, мѣсяца три тому назадъ, вотъ было житье хорошее! Бывало, поѣзжай въ любую деревню, хоть въ кованскую, хоть въ русскую — раздолье! Народъ богатый былъ, всѣ боялись, бери чтѣ хочешь, командуй какъ угодно. А чуть-что не такъ — сейчасъ разъ, и кончено..

— Тогда насъ мало было, оттого и жизнь была хороша. А теперь, куда ни сунься, вездѣ свои шайки прежде тебя пронохаютъ, да заберутъ. А прежде бывало...

Всѣ хвалили прежнее житье, вспоминали, какъ ловко приходилось грабить. Каждый рассказывалъ, какъ ему доводилось, всего вдвоемъ, а то и одному, нападать на цѣлую деревню, и всѣ бѣжали, прятались со страху куда попало; какъ собирались старшины деревни, кланялись въ ноги, просили милости, давали выкупъ; какъ подъ ножами допрашивали богача, гдѣ у него деньги; какъ для шутки отрубили уши, снесли голову для пробы шашки.

Много было рассказано подобныхъ происшествій, много было и наврано при этомъ; всякій хвасталъ, выставилъ себя богатыремъ и, вспоминая это славное прошлое, ругалъ и клялъ теперешнее житье.

— Бывало, ѣшь сколько хочешь, пей сколько хочешь. Какой нищи захотѣлъ, то и ѣшь: пилаву захотѣлъ, баранины захотѣлъ, куръ захотѣлъ, пироговъ захотѣлъ, пряниковъ захотѣлъ — чего захотѣлъ, все есть! А теперь — вонъ только что послѣ атамана останется, то и ладно. Поганое житье, собачье...

— Ну, погоди! только бы намъ узнать, гдѣ есть пожина, мы бы устроили штуку, точили голодные волки зубы.

И, несмотря на разговоры, на рассказы про бывшее хорошее житье, все-таки всѣмъ было скучно, всѣмъ хотѣлось ѣсть.

— Курдай! крикнул громко на дворъ. Пошелъ скорѣе сюда!

Курдайка заткнулъ нагайку за кушакъ рядомъ съ кривой шашкой, и пошелъ на крикъ. Передъ нимъ открыли низенькую дверь. Онъ нагнулся и вошелъ въ комнату.

— Да будетъ надъ тобой благословеніе великаго пророка, сказалъ онъ, подхватилъ животь руками и сѣлъ возлѣ двери на колѣнки.

Комната, въ которую онъ вошелъ, была, какъ и всѣ сакли, очень небольшая, съ тремя дверями и безъ оконъ. На полу были постланы войлоки и одѣяла. Въ срединѣ комнаты, въ маленькой ямочкѣ, тѣли горячіе угли. На одѣялахъ вокругъ огня сидѣли коканцы въ халатахъ и ермолкахъ. По стѣнамъ стояли и висѣли ружья, сабли, сумки и пистолеты. На самомъ удобномъ и мягкомъ мѣстѣ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги, маленькій, толстый коканецъ, съ безобразнымъ и звѣрскимъ лицомъ. Онъ весь заплылъ жиромъ, весь лоснился отъ сала и пота. Узкіе глазки едва замѣтно сверкали изъ-подъ заплывшихъ вѣкъ. Онъ держалъ себя со всѣмъ не въ мѣру важно, по-барски, тогда какъ остальные всѣ передъ нимъ лебезили и кланялись.

То былъ атаманъ всей этой сволочи, сидѣвшей по саклямъ. Въ началѣ бунта его шайка была значительно больше. Но, съ неудачей противъ русскихъ, она сократилась до 40 человѣкъ и переселилась мелкими грабежами и разбоями.

Въ саклѣ атамана было повеселѣе, чѣмъ въ другихъ.

Передъ толстякомъ стоялъ на угляхъ небольшой кувшинчикъ, изъ котораго одинъ изъ сидѣвшихъ тутъ же коканцевъ наливалъ въ круглую чашечку чай и подавалъ атаману. Другіе дожидались, когда атаманъ кончитъ, и изъ той же чашки позволить имъ донять остатокъ. На полу стояло два круглыхъ мѣдныхъ свѣтло-вычищенныхъ подноса съ сахаромъ, изюмомъ, лепешками и орѣхами.

Всѣ молча сидѣли около огня и слѣдили собачьимъ, завистливымъ взглядомъ за ртомъ атамана, какъ пропадають въ немъ лепешки, сласти и чай. Какой-то оборванецъ сидѣлъ по лѣвую сторону отъ огня съ бубномъ въ рукахъ, на которомъ онъ только-что выбивалъ разные штуки подъ дѣнную и несуразную пѣсню.

— Чтѣ есть новаго да хорошаго? спросилъ важно атаманъ Курдайка, не переставая пить чай.

— Хорошаго, таксыръ *), ничего нѣтъ. Я былъ у русскаго, а у нихъ ничего хорошаго не достанешь — развѣ только поколотить, собаки. Три дня вотъ голодный ѣмъ, совсѣмъ ничего не ѣлъ! корчилъ Курдайка несчастнаго и косился на атаманскій ротъ.

— Ну что же ты узналъ? спросилъ снова атаманъ и принялся еще больше ѣсть.

— Отрядъ новыи въ Наманганъ идетъ съ арбами.

Курдайка сталъ рассказывать то, какъ онъ узналъ, навралъ съ три короба, какъ ему чуть голову не отрубили, и онъ едва убѣждалъ. Опять упомянулъ о томъ, что онъ очень голоденъ, и спросилъ атамана, что онъ прикажетъ дѣлать.

Атаманъ задумался.

Курдайка сталъ говорить, что нужно бы послать караулъ на дорогу и посмотрѣть за русскими; что онъ знаетъ всѣ мѣста, и если его пошлетъ атаманъ, онъ проведетъ и покажетъ все отлично.

— Ладно, сказалъ атаманъ. Когда же ты поѣдешь?

— Надо скоро ѣхать, а то далеко, отвѣтилъ Курдайка. — Я бы сейчасъ поѣхалъ, да надо ѣсть чего-нибудь достать, я очень голоденъ...

Атаманъ какъ будто не слыжалъ, что говорилъ Курдайка на счетъ ѣды и продолжалъ:

— Только смотри: если увидишь, что дѣло ловкое, что можно зубы поточить, — сейчасъ же пришли ко мнѣ. Я самъ со взѣмъ приѣду. А то вы наврете опять, какъ мѣсяцъ тому назадъ.

— Какъ ты сказалъ, таксыръ, такъ и будетъ. Ты наша голова — мы руки, ничего не знаемъ и не смѣемъ дѣлать.

— Вотъ погодь, принесутъ пива — будешь ѣсть съ нами, поправились атаману лести Курдайки, и онъ даже приказалъ налить ему чашку чаю.

Курдайка былъ чрезвычайно доволенъ и началъ снова рассказывать про свою поѣздку и главное про то, что онъ слышалъ про шаюку Ахмета. Атаману онъ навралъ еще больше, чѣмъ Мурадъ.

Намонецъ Курдайка смолкъ.

Атаманъ развалился на шелковой подушкѣ и нелѣлъ забавлять себя пѣснями.

*) Таксыръ значитъ: сударь, начальникъ, господинъ.

Кривой козанецъ поднималъ бубенъ, погрѣлъ его надъ углемъ. чтобы лучше натянулась кожа, ударилъ пальцами и заведъ подъ бубенъ вплоть до самаго ушка козлинымъ, дикимъ голосомъ дикую пѣсню.

8. Ж и в ы е к а м н и .

Настало утро. Дождь пересталъ. Дуетъ крѣпкій вѣтеръ и гонитъ по небу сильные, сѣрыя тучи.

Недалеко отъ наманганской дороги, тамъ, гдѣ, проходя въ легкихъ холмахъ, она дѣлаетъ довольно крутой изгибъ, на одномъ изъ холмовъ видѣются съ дороги какія-то сѣрыя кочки или камни.

Никому изъ ѣдущихъ или идущихъ по дорогѣ не приходило въ голову попристальнѣе взглянуть въ эти камни, или подойти къ нимъ поближе. Тогда вѣроятно каждый разглядѣлъ бы, что у камней есть глаза и уши, и что камни эти все видятъ и слышатъ, что дѣлается на дорогѣ.

Камни издали еще слышали, какъ скрипѣли арбы и звякали бляхи на сѣделкахъ, какъ свистали на лошадей извозчикъ; какъ кричали русскіе голоса, помогая застрывшей арбѣ. Камни видѣли, какъ мимо проходила арба за арбой, солдатъ за солдатомъ; сосчитали сколько арбъ; смекнули, сколько солдатъ. Камни расслушали, какъ чему-то смѣялись солдаты, какъ кто-то выругался; видѣли, какъ закурилъ какой-то трубку, другой поправилъ ружье, третій подтянулъ спустившееся.

Ничего не пропустили камни.

Они не пропустили и того, какъ накренилась одна арба и встала; какъ другіе стали объѣзжать ее, какъ ее подняли, и солдатъ что-то мастерилъ топоромъ. Не пропустили и того, какъ вслѣдъ за другими пошла арба свадн и около нея одинъ солдатъ, какъ тонулась она колесомъ объ камень и вскорѣ возчикъ и солдатъ опять стали около нея мастерить топоромъ. Все видѣли и слышали камни.

Мало того: камни вдругъ задвигались и точно пополази съ бугра, пополази тихо, незамѣтно.

Въ это время черезъ нихъ пролетѣлъ воронъ и закаркалъ. Камни припали къ землѣ, остановились и впились глазами въ работавшаго

на дорогѣ солдата. Солдатъ поднялъ голову, выругалъ ворона и снова занялся работой.

Камни пополнили снова.

Они быстро спускались по той сторонѣ холма, уходя все дальше отъ дороги. Наконецъ, ихъ вовсе стало невидно за холмомъ. Вдругъ они встали на ноги и замахали руками. Камни оказались людскими головами въ засаженныхъ ермолкахъ. Ихъ было двое. Звались они: Мурадкой и Курдайкой.

Изъ-за дальняго холма къ нимъ выѣхало двѣнадцать человѣкъ верхами, съ саблями и ружьями. Двѣ лошади шли безъ сѣдокъ.

Мурадка съ Курдайкой что-то шопотомъ сказали другиму, вскочили на лошадей и поѣхали шагомъ впередъ къ дорогѣ. Остальные двинулись зади.

Вскорѣ первые двое нагнулись и припали къ сѣдламъ. За ними сдѣлали то же и всѣ, не переставая ѣхать впередъ.

Вотъ и дорога уже видна, видно и арбу и припавшихъ за ней людей. Солдатъ съ топоромъ въ рукѣ. Ружье лежитъ рядомъ.

Мурадка съ Курдайкой свернули за ближайшій бугоръ и опять скрылись. Прошло пять минутъ—и они неслись къ арбѣ полнымъ махомъ съ саблями въ рукахъ.

Парахнулась извощичья лошадь, вскрикнулъ ея хозяинъ и, повалившись со страха подъ арбу, прижалъ брюхомъ единственную ихъ защиту—солдатское ружье.

Поднялъ солдатъ голову, потянулъ къ себѣ винтовку изъ-подъ проклятаго извощика, но уже кругомъ были коканцы. Что-то тяжелое крѣпко ударило его въ затылокъ, какая-то шерстяная веревка ловко захлестнула ему руки.

Даниловъ былъ въ плѣну.

Черезъ десять минутъ шесть человѣкъ возились съ арбой и ея добромъ, торопясь убраться съ дороги.

Черезъ десять минутъ, другіе девять неслись во всю мочь въ правую сторону отъ дороги, напрямикъ направляясь къ какой-то полуразрушенной деревушкѣ.

Восемь изъ нихъ были въ халатахъ и съ ружьями. Девятый въ солдатской шинели, безъ ружья и со связанными руками.

9. П л ѣ н н ы й.

Темная осенняя ночь стояла надъ землею. Густыя тучи полосами тинулись по небу и свѣтлыя звѣздочки только изрѣдка выглядывали на темную и холодную землю. Мелькнетъ небесная искорка, порадуетъ на минутку своимъ теплымъ яснымъ блескомъ, и снова спрячется за тучу, снова темно, пасмурно, нерадостно станеть. Затихнетъ чуточку вѣтеръ и опять рванетъ, опять начнетъ качать дерево, шумѣть кругомъ, рвать одежду и посвистывать между вѣтвями.

Среди гладкаго мѣста стояло одинокое дерево. Подъ этимъ деревомъ расположилась на ночлегъ маленькая шайка верховныхъ людей. Всѣхъ ихъ было девять, — тѣ именно девять, которые утромъ понеслись безъ оглядки отъ брошенной на дорогѣ арбы, увозя съ собой дорогую добычу — русскаго солдата. Они долго скакали, наконецъ поѣхали рысью, и ѣхали такъ весь день, останавливаясь только затѣмъ, чтобы напоить лошадей.

Ѣхали они къ городу Маргелану. Велъ ихъ туда не кто другой какъ Курдайка.

До сегодняшняго дня Курдайка былъ простымъ ловчимъ джигитомъ, который послушно и ласково смотрѣлъ въ очи своему атаману и исполнялъ только его приказанія. Онъ ѣздилъ съ разными порученіями, служилъ лазутчикомъ для своей шайки, оставаясь попрежнему только Курдайкой, не больше. Но когда атаманъ послалъ его наблюдать за русскимъ обозомъ, и когда ему удалось захватить въ плѣнъ русскаго, — онъ сразу понялъ, что вернуться теперь къ атаману, чтобы сдать ему плѣннаго на руки, невыгодно. Пользуясь горячей минутой, онъ крикнулъ шестерымъ, чтобы они убрали арбу, а съ остальными бросался направо. Всѣ торопились, боясь какъ бы не догнали русскіе, и гнали безъ оглядки за Курдайкой. Только отъѣхавши верстъ десять они спросили: куда-же ѣхать? Курдайка отвѣтилъ, что имъ надо подальше уйти отъ дороги, чтобы ихъ не нашли русскіе, а черезъ 20 верстъ объявилъ, что вернуться теперь къ атаману поздно. Лучше ѣхать прямо въ Маргеланъ и сдать туда плѣннаго.

— Мы его поймали, мы его привеземъ, прибавилъ онъ. — Ханъ будетъ благодарить насъ, будетъ награду давать, будетъ подарки давать. Будемъ самого хана смотрѣть, будемъ съ самимъ ханомъ

разговаривать! Ханъ скажетъ: молодцы! богатыри! много-много дарятъ станутъ!

Есѣ были согласны, что въ самомъ дѣлѣ вернуться теперь трудно, и что очень пріятно повидаться съ самимъ ханомъ.

Такъ ѣхала шайка до поздняго вечера, болтал о томъ, что съ ними будетъ, когда они пріѣдутъ въ Маргеланъ.

— А какъ-же нашъ атаманъ? вдругъ вспомнилъ кто-то.

— Что атаманъ? отвѣтилъ Курдайка. — Не атаманъ его поймалъ. Тутъ кто поймалъ, тотъ и атаманъ. Вотъ еслибы онъ самъ поймалъ солдата, тогда другое дѣло. А то онъ атаманъ называется, а какъ ловить довелось—меня послалъ; я и караулилъ, я и ползъ, я и людей позвалъ, я и солдата схватилъ, я его и увезъ. А атаманъ въ избѣ сидѣлъ, да пилъ въ ѣлъ, да спалъ на мягкихъ одѣялахъ. А вотъ мы теперь цѣлый день не ѣли, цѣлый день не спали. Ему хорошо было!

И чѣмъ дальше уѣзжалъ Курдайка отъ своего атамана, чѣмъ ближе былъ къ нему Маргеланъ, тѣмъ смѣлѣе и смѣлѣе онъ становился, тѣмъ больше распоряжался и чаще говорилъ: я его поймалъ, я его и хану представлю. Хитрый джигытъ понималъ, что въ Маргеланѣ его ждетъ хорошая награда. Тамъ онъ столько навяреть о томъ, какъ они напали на русскихъ, какъ много было солдатъ, какъ храбро они дрались съ русскими и тѣ побѣжали,—что послѣ этого онъ уже перестанетъ зваться Курдайкой и шлеться въ рваномъ халатишкѣ, а будетъ важно ходить въ шелковомъ платьѣ и величать его стануть: Курдыбай-бекъ, т. е. «богатый Курдай-начальникъ».

Сладко и много думалъ отъ этомъ Курдайка, когда они легли подъ деревомъ, и сладко и крѣпко заснулъ онъ.

Рядомъ съ нимъ въ повалку спали остальные.

Двое не спали и караулили. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ на корточкахъ, другой ходилъ около лошадей. Ни тотъ, ни другой не говорили ни слова. Слышно было только, какъ хрустятъ свѣжая трава на зубахъ у десятка лошадей, да забранчить уздечка на встряхнувшейся лошади.

Данпловъ сидѣлъ. прислонившись къ толстой корѣ дерева, къ которому онъ былъ туго притянутъ волоснымъ канатомъ. Онъ былъ

въ одной рубахѣ. Шинель взялъ себѣ какой-то джигитъ. Холодный вѣтеръ трепалъ солдатскую рубаху и нисколько не заботился о солдатскомъ тѣлѣ. Связанныя руки и ноги затекли и не чувствовались, точно ихъ не было вовсе.

Даниловъ сидѣлъ не шевелясь, упершись головой въ дерево, и смотрѣлъ въ темное небо. Ему ровно ни о чемъ не думалось. Онъ какъ будто забылъ все: забылъ, что онъ сидѣлъ связанный, что не могъ шевельнуться; забылъ, какъ было холодно на дворѣ; забылъ, что кругомъ его враги, что везутъ его, можетъ быть, на муку, а можетъ и на страшную смерть. Онъ смотрѣлъ въ одно мѣсто на темномъ небѣ, гдѣ между тучами мелькнула разъ звѣздочка и опять пропала.

Долго шли темныя тучи. Но вотъ опять прорвались въ одномъ мѣстѣ, опять загорѣлась та-же звѣздочка, и опять погасла. Непроглядныя тучи побѣжали безъ конца. Звѣздочка уже не показывалась больше. А Даниловъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ въ то-же мѣсто. Онъ сидѣлъ припомнить, гдѣ и когда онъ видѣлъ такіа-же черныя тучи, такую-же ясную, теплую звѣздочку,

Это было очень, очень давно, было тамъ, далеко-далеко, на родинѣ, въ Россіи.

И вдругъ вспомнилась ему эта дальняя родина. Вспомнилось ему, какъ онъ былъ мальчишкой восьми годовъ. За оврагомъ, недалеко отъ лѣсу, ходили они въ ночное деревенскихъ коней пасты. Былъ вмѣстѣ съ нимъ и Гришка Косой, и Бѣлый Егорка, и Татьяна Степка, и Мишенька Пантюхиновъ. Былъ съ ними и Сѣрка о трехъ ногахъ, что въ волчій капканъ вмой вмѣсто водка попалъ, и Рыбка рублено-ухо, и Цыганъ, что умѣлъ черезъ палку прыгать. Такая же темная ночь была тогда, такъ-же дулъ вѣтеръ и продувалъ дыравый татянинъ кафтанъ. Страшно было въ такую ночь въ полѣ. А Гришка Косой еще все про лѣшихъ, да про волковъ всю ночь страшное разсказывалъ. Крѣпко прижался онъ тогда къ Мишенькѣ и все въ небо смотрѣлъ, дожидаясь, когда чрезъ тучи мелькнетъ хорошая звѣздочка.

А на утро татяка крѣпко побилъ Оомку: не доглядѣли ночью, воленъ жеребенка зарѣзали.

Вспомнилась ему и другая такая же ночь, шесть лѣтъ тому на-

задь. Стоялъ молодой рекруткъ передъ отцомъ съ матерью, передъ молодой женой, передъ братьями и родственниками. Крестила его въ послѣдній разъ родительская рука; видѣлъ онъ въ послѣдній разъ, какъ по немъ плакали родные глаза. Стоялъ молодецъ, кудрами встряхивалъ, и говорить не зналъ чего. Да и словъ не было, чтобы ихъ говорить. Душно ему стало въ избѣ, вышелъ онъ на дворъ, взглянулъ на небо — тучи черныя. Сталъ онъ и задумался, въ темныя, непроглядныя тучи заглядѣлся. Мелькнула въ нихъ звѣздочка, порадавала, да и спряталась. Долго стоялъ Оома, и все въ то-же мѣсто смотрѣлъ — угадать хотѣлъ, увидитъ ли онъ еще разъ хорошую звѣздочку.

— Что ты, Оома, Господь съ тобой! услышалъ онъ тихій голосъ около.

Оглянулся — хозяйка стоитъ. Взялъ онъ ее за бѣлы руки, подвелъ къ своей груди, обнялъ ее крѣпко на-крѣпко.

— Прощай, Афроса! Прощай, Афросинья Филиповна! прошепталъ онъ, а самъ все на небо смотреть, да звѣздочки дожидается.

Порвались тучи, выплыла звѣздочка.

А на утро чѣмъ свѣтъ увезли его изъ родного села Кирсановки въ городъ, въ службу славать.

Двинулись молодые солдатики изъ Бугуруслана, прошли свою Самарскую губернію, дошли до Оренбурга. Пошла длинная степь Туркестанская, потянулась служба солдатская. Пробѣжали четыре года, надѣлъ Даниловъ унтеръ-офицерскіе галуны и сталъ ротнымъ капитанармусомъ. Еще два года миновало. Недалеко оставалось и до отпуска домой идти, свои мѣста повидать, въ своемъ селѣ пожить.

Передъ нимъ, на темномъ небѣ, точно нарисовалась Кирсановка. Видѣлъ онъ и церкви, бѣлую съ высокой колокольней, видѣлъ, какъ на крестахъ играетъ солнце; а внутри лампы со свѣчами передъ святыми иконами теплятся, и дымъ отъ кадиль разносится. Поютъ пѣвчіе, крестятся крестьянскія руки, владутъ поклоны русыя головы. Кончилась обѣда, и валитъ народъ на площадь, расходится по улицамъ. Вотъ и его изба. Все такая же, какъ видѣлъ онъ ее шесть годовъ назадъ. Вотъ и родныя лица, какъ нарисованныя, стоятъ передъ нимъ. Столпились вокругъ, смотреть на него, не вѣрятъ имъ — онъ-ли это — сынъ-ли, братъ-ли, мужъ-ли... Не такимъ

они его провожали: молоденькимъ да жаленькимъ,—а теперь смотри, какой капралъ сталъ усатый, да ловкій. Страшно къ нему и подойти-то. А страшный капралъ въ ноги кланяется: здравствуйте, родители, благословите сына вашего.

— Вставай скорѣе, вѣхъ пора! вдругъ услыжалъ Даниловъ коканскій голосъ, и очнулся. Дремота съ сладкими снами пропала разомъ.

Кругомъ было такъ-же темно, какъ и прежде. Вѣтеръ показался ему еще сырѣе и холоднѣе. Дрожь пробѣжала по тѣлу.

Коканцы поднялись.

— А что вѣбрь-то намъ здѣсь? спросилъ какой-то коканецъ, поправляя кушакъ.

— Здѣсь. Присмирѣлъ совсѣмъ, какъ къ дереву собаку прикрутили. Все время хотъ бы шевельнулся разъ, отвѣтилъ другой.

— Да онъ ужъ не вздохъ-ли, авасема?

— Живучъ, что ему дѣлается! Его хотя на колъ посади, такъ онъ два года провертится, не здохнетъ, отвѣтилъ Мурадка, и, сѣвши на корточки около Данилова, близко взглянулъ ему въ лицо.

— Гамъ, гамъ! вдругъ тавкнулъ по-собачьи Курдайка сзади Мурадки и шутя вцѣпилъ ему руками въ плечо.

Мурадка вздрогнулъ и отскочилъ въ испугъ отъ Данилова. Всѣ покатились со смѣху. Мурадка понялъ, что надъ нимъ пошутили, и чтобы поправиться, выместилъ на Даниловѣ.

— Что ты, проклятая собака, лаешь! Цыцъ! что ты зубы-то выставилъ! крикнулъ онъ, и его грязная лапа два раза хлестнула по лицу связаннаго солдата.

Товарищамъ это понравилось, и они засмѣялись.

Даниловъ молчалъ.

— Ну-ну, вы! чего играть тамъ вздумали? живо садись! крикнулъ на нихъ командирскій голосъ Курдайки, и коканцы засуетились.

— Сажай генерала-то нашего! Ты, генералъ, собачья башка, садись у меня живо! стали распутывать коканцы ноги Данилову.

Его посадили со связанными руками на сѣдло, связали ноги веревкой подъ брюхомъ лошади, а Курдайка съ Мурадкой стали на своихъ лошадяхъ по обѣимъ его сторонамъ. Имъ къ сѣдламъ при-

вязали по длинному поводу отъ лошади, на которой сидѣлъ Даниловъ.

— Ну, генералъ, поѣзжай впередъ, команду! сказалъ Курдайка и ударилъ со всего плеча нагайкой по спинѣ Оомы.

— Разъ, два! по-русски крикнулъ Мурадъ, и первый разъ ударилъ по средней лошади, а второй по плечамъ Данилова.

Какъ каленнымъ желѣзомъ впилась ему толстая плеть въ заходящее тѣло, прикрытое одной рубахой.

— Госп... неволью выговорили губы, но онъ такъ стиснулъ челюсти, что задавилъ въ себѣ всякій голосъ.

Въ эту минуту между двумя черными тучами блеснула на мгновенье звѣздочка. Даниловъ про себя прочиталъ какую-то молитву.

Шайка тронулась опять безъ дороги, прямымъ путемъ, и вскорѣ крылась въ темнотѣ ночи.

10. Н а п л о щ а д и.

Въ семьдесятъ верстахъ къ востоку отъ города Кокана стоитъ другой коканскій городъ, Маргеланъ. Цѣлая роща изъ садовъ окружаетъ городъ. Маленькіе домики изъ глины, съ такими же плоскими крышами, какъ наши потолкаи, дѣлятся одинъ около другого, безъ всякаго толка и порядка. Кривыя и узенькія улицы, или переулки, по которымъ можно только ходить, вьются и путаются между домами и глиняными высокими стѣнами. Ни одного окна не выходитъ на эти улицы, точно вдоль ихъ стоятъ одни только сараи, да хлѣвы.

Народу въ городѣ мало. Война разогнала больше половины жителей, да и тѣ припрятали все дорогое подальше или зарыли въ землю, или увезли въ сосѣднія торы. Вездѣ встрѣчались коканцы съ ружьями, съ саблями и пистолетами.

Со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ съѣзжались сюда охотники до войны, до грабежа и разбоя. Сюда ѣхали шайки ѣхали, лазутчики съ вѣстями. Отсюда разсыпались, какъ волчьи стаи, тѣ же шайки за добычей. Везли посыльные приказанія въ разные концы. Въ городѣ въ это время жилъ самый страшный изъ коканскихъ начальниковъ, самый звѣрскій изъ ихъ воеводъ, по имени Пулатъ-ханъ. По его

приказу собрались сюда войска и шайки; онъ согналъ сюда купцовъ, онъ же держалъ въ городѣ и другихъ жителей.

День 23-го ноября 1875 года начался такъ-же спокойно въ Маргеланѣ, какъ и обыкновенно. Вѣстей новыхъ никакихъ не было. Войска собирались туго, и потому все оставалось по прежнему. Торговцы открыли свои лавки, въ которыхъ не было и десятой доли тѣхъ товаровъ, что продавались въ мирное время. Лоточники вынесли лепешки. Въ чайныхъ лавкахъ задымили двухведерные самовары.

Вездѣ таскались пѣшкомъ коканскіе солдаты, развѣзкали и толкались въ лавкахъ, на улицахъ и на площадяхъ верховые, вооруженные чѣмъ понало.

Вдругъ по одной изъ большихъ улицъ, которая шла черезъ базаръ къ крѣпости, проскакалъ джигитъ. Лошадь подъ нимъ была измучена, самъ онъ тоже весь былъ въ грязи. На базарѣ кто-то узналъ его и крикнулъ:

— Курдайка! куда свачешь? Новое есть?

Курдайка оглянулся, сболтнулъ какое-то одно слово и, ударивъ лошадь нагайкой, пропалъ изъ виду.

Въ одинъ мигъ слово, сказанное Курдайкой, облетѣло весь городъ. Въ одинъ мигъ поднялся весь народъ и бросился бѣгомъ и вскачь на лошадяхъ къ площади передъ крѣпостью, куда проскакалъ Курдайка.

— Русскаго, русскаго везуть! Пѣшняго русскаго везуть! Русскаго въ плѣнъ взяли! только и слышно было вездѣ.

Народъ все больше и больше толпился на площади, разспрашивая одинъ у другого о важной новости. Но никто ничего не зналъ толкомъ, такъ какъ Курдайку, прямо съ сѣдла, провели къ Пулатъ-хану во дворецъ.

Наконецъ народъ дождался кого-то и заколыхался.

— Идетъ, идетъ! Курдайка идетъ! заговорила толпа.

Въ самомъ дѣлѣ, вышелъ Курдайка и съ нимъ нѣсколько новыхъ джигитовъ. Всѣ они вскочили на коней и понеслись назадъ по улицамъ.

Толпа проводила ихъ глазами и замерла, ожидая, что будетъ.

По всей площади шелъ глухой гулъ отъ тѣснаго говора.

Вдругъ толпа ожила.

— А-а! вотъ они! ведутъ, ведутъ! А-а! загудѣлъ народъ.

Изъ улицы тихонько выѣзжали джигиты. За ними ѣхалъ важно Курдайка и посматривалъ часто назадъ. Въ рукахъ у него была русская солдатская берданка. Шагахъ въ десять за нимъ ѣхали трое: по бокамъ два козакъ съ саблями наголо, въ серединѣ — блѣдный, измученный Даниловъ, съ посинѣвшими губами, съ красными отъ усталости глазами, опутанный веревками по рукамъ и ногамъ. Передъ городомъ его одѣли въ шинель для большаго торжества.

— Вонъ онъ, вонъ! Вотъ онъ! обрадовалась толпа, показывая пальцами на Данилова.

— А, собака поганая, попался!

— Поймали русскаго чорта! Смирный сталъ: теперь ура не кричать!

— А, чтобъ твою нечистую душу черти разорвали, попался къ намъ въ руки! Покажутъ тебѣ, какъ противъ насъ воевать! Наплашешься, поганый гяуръ!

— Завважишь, проклятый песъ! невѣрная нечисть! Погода! аилась, радовалась, проклинала и торжествовала вся площадь, вѣдлившие глазами въ русское лицо русскаго солдата.

Даниловъ только разъ взглянулъ на эту толпу, когда въѣзжали на площадь. Потомъ онъ ѣхалъ, не смотря никуда, спокойно и безмолвно двигаясь между этими тысячами враговъ, которые, кажется, хотѣли бы разорвать его своими руками. Онъ слышалъ, какъ его кляли, какъ ему со всѣхъ сторонъ посылали самыя ужасныя ругательства. Но онъ ни разу не повернулъ головы, ни разу не взглянулъ въ сторону.

— Видишь: молчитъ собака! Видишь—ѣдетъ, какъ начальникъ какой! Постой: заговоришь! какъ змѣи шипѣли вокругъ него злые голоса.

Наконецъ они доѣхали. Данилову развязали ноги и сбили съ лошади. Кругомъ его кольцомъ встали солдаты Пулатъ-Хана.

— Смирно! не шумѣть! крикнулъ какой-то голосъ и надъ толпой поднялась палка.

Народъ стихъ.

КОКАНСКІЙ БУНТЪ.

Изъ дворца хана шла на площадь кучка коканцевъ. Всѣ поплывались назадъ, чтобы дать имъ дорогу,

11. Перебѣжчикъ.

Впереди всѣхъ шелъ высокій сѣдой старикъ лѣтъ шестидесяти. На немъ былъ бархатный цупцовый халатъ,шитый золотомъ на воротникѣ, рукавахъ и плечахъ. Вся спина была также усыпана нашитыми золотыми блестками. Изъ-подъ халата видѣлся другой — желтый, бухарской шелковой матеріи съ синими разводами. Нижний халатъ былъ подпоясанъ широкимъ шелковымъ поясомъ съ огромными серебряными пряжками. Поверхъ пояса былъ закрученъ кусокъ изъ красной кашемировой шали, за который затнута шашка въ зеленыхъ ножнахъ и съ костяной бѣлой рукояткой съ золотыми бляхами. На головѣ старика была надѣта большая бѣлая чалма изъ кнсовъ.

Это былъ Абдуль-Мумынъ, главнокомандующій войсками Пулатъ-Хана. Мѣсяцъ тому назадъ Абдуль-Мумынъ жилъ мирно у насъ подъ Ташкентомъ, и считался богатымъ русскимъ киргизомъ. Подметныя письма, которыя разсылалъ Пулатъ-Ханъ и по коканскимъ жителямъ, и по нашимъ городамъ и деревнямъ, соблазнили стараго Мумына.

Онъ вспоминалъ, какъ десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда еще Ташкентъ не былъ взятъ русскими, воевали коканцы; какъ шайки ходили изъ края въ край, грабили и рѣзали непокорныхъ и мирныхъ жителей; какъ можно было нажиться въ одинъ мѣсяцъ, попировать и позлодѣйствовать вволю; какъ можно было хозяйничать надъ чужимъ добромъ, командовать словно хану, распоряжаться чужими женами и дѣтьми и потѣшаться казнями и муками. Вспомнились ему тѣ страшныя смутныя времена, когда войска Алимъ-Кула были грозой во всемъ ханствѣ, когда кровь лилась ручьями, когда на русскихъ подымались цѣлыя тучи. Вспомнилъ старикъ и не выдержалъ. Загорѣлась въ злой душѣ месть къ собакамъ-русскимъ, захотѣлось повластвовать, свою старую душу кровью потѣшить. И Абдуль-Мумынъ бѣжалъ отъ русскихъ въ Коканъ. Пулатъ-Ханъ тог-

часть же, какъ только прѣѣхалъ Мумынъ, назначилъ его на важное мѣсто, чтобы сманить къ себѣ и другихъ ташкентцевъ.

Абдуль-Мумынъ ожилъ, когда попалъ къ Пулатъ-Хану. Изъ смирнаго кпргиза онъ сталъ сразу вельможей. Онъ радился въ дорогое платье, ѣздилъ съ конвоемъ и знаменемъ. Каждое его слово было закономъ. За то и имъ были довольны. Мумынъ былъ самый злѣйшій врагъ русскихъ. Мумынъ былъ самый заклатый магометанинъ. Мумынъ былъ свирѣпый грабитель и разрушитель. Вездѣ сновали его шайки и джигиты, шарили добычи и звѣрствовали, какъ хотѣли, развози всюду Мумыновы и Пулатовы грамоты. Мумынъ награждалъ своихъ головорѣзовъ деньгами, вещами, лошадьми, дарилъ оружіемъ за всякую злую продѣлку противъ русскихъ или противъ нашихъ подданныхъ.

Вотъ почему каждого плѣннаго, каждую отрубленную русскую голову везли за сотни верстъ къ Мумыну на показъ, для счета и награды. Немногимъ изъ плѣнныхъ русскихъ офицеровъ, солдатъ, ямщиковъ и купцовъ, попавшихъ къ Мумыну въ лапы, удалось послѣ войны увидѣть снова свободу. Онъ былъ неумолимо золъ и не могъ досыта упиться христіанской крови.

Такой-то человѣкъ шелъ теперь къ Данилову. Сзади Мумына шли его подчиненные, а его солдаты вели еще русскаго плѣннаго, раньше попавшаго къ кожанцамъ. Мумынъ не казнилъ его только потому, что онъ хорошо говорилъ по-кожански и былъ переводчикомъ въ разговорахъ съ русскими.

Высокій сѣдой старикъ подошелъ прямо къ Данилову и остановился передъ нимъ шагахъ въ трехъ. Смѣрялъ онъ русскаго унтера отъ головы до ногъ, долго молча смотрѣлъ ему въ глаза, и наконецъ позвалъ переводчика.

— Кто ты такой? русскій солдатъ? спросилъ Мумынъ Данилова черезъ переводчика.

— Да. Я русскій солдатъ, отвѣтилъ твердо и коротко Даниловъ.

— И вѣры русской?

— Да, и вѣры русской. Я христіанинъ, отвѣтилъ плѣнный.

— Ты у насъ въ плѣну теперь. Ты нашъ совсѣмъ.

— Я это знаю, просто сказалъ солдатъ.

— Ты въ нашей власти, продолжалъ важно Абдуль-Мумынъ: ты

шелъ противъ насъ и поэтому долженъ быть казнень, какъ злодѣй. Но мнѣ тебя жалко. Я самъ изъ Ташкента, и знаю, что васъ заставляютъ силою идти противъ насъ. Я буду просить у Пулатъ-Хана за тебя и, по моей просьбѣ, великій ханъ помилуетъ тебя. Я спасу твою жизнь.

Муминъ остановился, какъ будто ждалъ, что скажетъ солдатъ. Но Даниловъ не сказалъ ни слова въ отвѣтъ. Муминъ сдвинулъ брови, взглянулъ сурово на плѣннаго и вдругъ быстро спросилъ:

— Желаетъ ли ты принять нашу магометанскую вѣру?

Народъ, толпившійся вокругъ, чтобы слышать весь разговоръ Мумина съ русскимъ плѣннымъ, крѣпче сдвинулся къ серединѣ и притихъ совсѣмъ, желая узнать отвѣтъ солдата.

— Нѣтъ, не желаю, ровнымъ и совершенно яснымъ голосомъ выговорилъ Даниловъ свой отвѣтъ.

Въ народѣ прокатился ропотъ. Муминъ важно оглянулъ толпу, и все смолкло.

— Ты непременно долженъ принять нашу вѣру, иначе мой славный ханъ не проститъ тебя, и мнѣ нельзя будетъ просить передъ нимъ о тебѣ, сказалъ онъ и подождать отвѣта.

Даниловъ молча стоялъ передъ нимъ, какъ будто эта рѣчь не къ нему относилась.

— И такъ, говори скорѣе: согласенъ ли ты сдѣлаться правовѣрнымъ магометаниномъ, и я пойду просить у Пулатъ-Хана для тебя великой милости. Согласенъ?

— Я ужъ сказалъ, что не согласенъ.

— Почему-же? Этими ты спасешь себѣ жизнь. Ханъ проститъ тебѣ твои грѣхи. Подумай и скажи мнѣ.

Сѣдой старикъ смолкъ и, положивъ важно лѣвую руку на ручку шашки, стоялъ передъ связаннымъ солдатомъ.

— Ну, что же, согласенъ или не согласенъ? взглянулъ онъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей ему въ лицо.

— Нѣтъ! отвѣтилъ только Даниловъ.

— Самъ знаешь, гдѣ лучше быть твоей головѣ, спокойно выговорилъ Абдулъ-Муминъ. Пойду за приказаніемъ владыки Пулатъ-Хана: что онъ прикажетъ съ тобой сдѣлать, прибавилъ онъ грознѣе, и не трогаясь прошелъ между толпой и скрылся за воротами крѣпости.

12. На выборъ.

Народу развязалъ глотки ухоть Мумына. Вся площадь заругалась на связаннаго русскаго.

— Ахъ, онъ собака! Ахъ, поганая тварь! Какъ смѣетъ онъ такъ разговаривать съ самимъ Муминомъ!

— Онъ думаетъ, что съ нимъ шутать! Вотъ погоди, невѣрная гадина! Пулатъ-Ханъ тебѣ покажетъ свою силу.

Народъ не переставалъ ругаться и шумѣть все время, пока Муминъ былъ во дворцѣ у самозванца.

— Видишь, какой храбрый! Здѣсь храбрость-то собьютъ!

— Тише! тише! раздалось со всѣхъ сторонъ, когда завидѣли опять идущаго Мумына.—Абдуль-Муминъ идетъ объявить волю великаго и славнаго Пулатъ-Хана!

Во второй разъ толпа увидѣла, какъ Абдуль-Муминъ подошелъ къ плѣнному русскому и остановился передъ нимъ. Во второй разъ услышала она его рѣчь къ солдату.

— Я далъ тебѣ время обдумать то, что я говорилъ тебѣ въ первый разъ. Я упростилъ нашего могучаго и свѣтлѣйшаго хана не торопиться своимъ строгимъ приказомъ и повременить рѣшать твою участь. Я пришелъ сказать тебѣ еще разъ, чтобы ты не медлилъ и тотчасъ же перешелъ въ магометанство, чтобы служить у низшаго всемогущаго и всемогущаго владыки. Подумаю, что ждетъ тебя? Выгляни на меня. Я самъ былъ русскій подданный и былъ тогда самый несчастный изъ людей: меня притѣсняли, грабили сборщики, я каждую минуту боялся за свою голову. Теперь я на службѣ у могучаго хана—я счастливѣйшій изъ людей. Вспомни и ты, кто ты былъ у русскихъ? Простой солдатъ, котораго мучили, терзали и притѣсняли. Здѣсь тебя ожидаютъ всѣ милости хана—онъ не только проститъ тебѣ, но наградитъ, сдѣлаетъ тебя начальникомъ. Выбирай же: или злая смерть, или счастливая жизнь. Отъ тебя зависитъ то или другое. Послушайся меня и сдѣлайся магометаниномъ.

— Все ты это напрасно мнѣ говоришь, отвѣтилъ спокойно Даниловъ: ничего мнѣ отъ насъ—вашихъ почестей и наградъ—не надо.

А былъ я русскимъ христіаниномъ—такимъ и буду. Родился въ русской вѣрѣ, въ русской и помру. Совсѣмъ тебѣ со мной и богатъ зря нечего объ этомъ. Я самъ съ твое-то знаю. Вотъ тебѣ и весь мой разговоръ.

— Такъ это твое послѣднее слово, невѣрный? началъ сердиться Абдулъ-Муминъ.—Смотри, все, что говоришь ты здѣсь, я передамъ моему хану, и горе тебѣ отъ его грознаго гнѣва! Одумайся!

— Поди ты къ чорту, съ тобой въ два дня не кончишь, сказалъ солдатъ и отвернулся.

Муминъ повернулъ круто и быстрыми шагами скрылся за воротами.

Къ Данилову присталъ Курдайка и сталъ повторять то-же, что говорилъ Муминъ.

— Ты еще, лыса башка, чего лѣзешь? обернулся къ нему Даниловъ.

Понялъ-ли Курдайка, что отвѣтилъ ему Даниловъ, или нѣтъ, — но только онъ замолчалъ.

Да пожалуй, дольше говорить было бы даже невозможно, такъ какъ въ это время шумъ и крикъ на площади становились все больше и больше.

— И зачѣмъ Муминъ разговаривалъ еще съ этой собакой? Его давно надо было бы убить, какъ гадюку! слышались голоса.

— Тсс, тсс, черти, тише!! засуетились полицейскіе халатники около народа, ихъ длинныя палки заходили по головамъ кого попало.

— Назадъ! пошелъ назадъ! кричали во все горло верховые, и надъ толпой взвились и заработали пагайки.

Площадь стихла.

Изъ воротъ опять вышелъ Муминъ. Онъ нарочно шелъ теперь тихо, шагъ за шагомъ, чтобы быть важнѣе и подольше потомить того, чья участь была въ его рукахъ. По обѣ его стороны шли по двое солдатъ съ ружьями на плечахъ. Сзади шло еще пять чело-вѣкъ.

Муминъ также тихо остановился передъ Даниловымъ.

И вотъ опять на площади стояли другъ передъ другомъ два чело-вѣка, на которыхъ смотрѣли всѣ глаза. Одинъ—сѣдой старикъ,

одѣтый въ золото и бархатъ, съ сложенными руками на саблѣ, надутый и свирѣлый. Другой—несчастный плѣнный, въ старой солдатской сѣрмягѣ, съ скрученными назадъ руками, спокойный и серьезный. Одинъ—кровожадный монголъ и магометанинъ другой—простой россійскій человѣкъ и христіанинъ. Одинъ—все могъ сдѣлать въ эту минуту: ему стоило двинуть рукой—и всѣ войска, вся площадь бросятся, чтобъ разорвать на куски поганую невѣрную собаку другой—могъ только развѣ поглядѣть на небо, да сотворить послѣднюю молитву.—И эти двое стояли въ разстояніи двухъ шаговъ, какъ въ театрѣ, когда тысячи глазъ смотрѣли на нихъ обоихъ.

—Послѣдній разъ пришелъ я объявить тебѣ всемогущую волю моего грознаго владыки, великаго изъ величайшихъ хановъ, могущественнаго повелителя Кованскаго царства, премудраго и славнаго Пулатъ-Хана! началъ съ разстановкой Абдуль-Муминъ.—Ханъ мой не хочетъ проливать напрасно крови. Онъ хочетъ, чтобы ты покорился его величью, чтобы сошелъ съ тропы заблужденія и обратился на путь истины.

Муминъ такъ прѣстисто заговорилъ, что не только толпа, которая любила красноречіе, но онъ самъ заслушался своей рѣчи. Не слушалъ только его тотъ, кому онъ говорилъ.

Даниловъ стоялъ опусти голову въ землю и не смотря никуда. Усталость за эти два дня скачки верхомъ, съ завязанными руками, бессонная ночь и всѣ истязанія, которыя онъ перенесъ, какъ гири повисли на его плечахъ. Среди этой площади, со множествомъ народа и съ переговорами Мумина, его вдругъ охватила какая-то глубокая черная тоска, ужаснѣйшая тягость нахлынула ему на душу. Ему надоѣла, измучила его вся эта канитель, и онъ стоялъ теперь безъ всякой мысли, безъ всякаго чувства, кромѣ тоски глубокой, страшной, гробовой тоски.

—Послѣдній разъ я жду отъ тебя отвѣта, разслушалъ онъ въ то, что говорилъ Муминъ: послѣдній разъ я говорю тебѣ, что для тебя одно спасеніе—перейти въ магометанство и сдѣлаться вѣрнымъ слугою великаго пророка Магомета и славнаго его сподвижника Пулатъ-Хана!

Муминъ остановился и ждалъ отвѣта.

— Отвѣчай! сказалъ онъ черезъ полминуты.

— Отвѣчай, глурь! ужъ крикнулъ онъ молчавшему солдату. Данилова кто-то толкнулъ въ бокъ сзади.

— Что-жъ ты не говоришь! услышалъ онъ голосъ Курдайки: переходя скорѣй, дуракъ, въ магометанство.

Курдайка не договорила. Даниловъ вдругъ очнулся.

Какъ отблескъ дальней молніи блеснуло что-то у Оомы въ глазахъ. Онъ выпрямился, точно выросъ, встряхнулъ головой, какъ встряхивалъ, бывало, въ парняхъ кудрями, и сдѣлалъ широкій шагъ впередъ.

— Да, что вы, собаки, задѣваться-то надо мной вздумали? вдругъ вскинулся онъ на Мумына, подавшись къ нему однимъ плечомъ, такъ что тотъ даже попятился назадъ передъ солдатомъ. — Чего еще вамъ, нехристи, отъ меня надо? Сказалъ ужъ вамъ который разъ, что отстань! Нечего вамъ съ меня взять—и шабашъ! не унималась русская душа.

Для грознаго Мумына такъ неожиданны были такіа рѣчи, такъ смѣлы, до того разомъ налетѣлъ на него солдатъ, что онъ рѣшительно не зналъ, что ему сказать на это, и стоялъ передъ своимъ плѣннымъ, разинувъ ротъ и выпучивъ глаза.

И въ самомъ дѣлѣ, трудно было не растеряться, видя передъ собой тогда Данилова. Онъ былъ орломъ въ эту минуту. Глаза блестя; сквозь густой загаръ горѣлъ румянецъ на русскомъ удаломъ лицѣ. Онъ весь былъ смѣлость. Поставь передъ нимъ теперь сто пушекъ, пусти табунъ дикихъ коней, кати на него море злую бурю—онъ не побоялся бы, не дрогнулъ, не сдвинулся бы съ мѣста. Онъ все бы принялъ на свое могучее плечо, всему подставилъ бы все ту же грудь. Эхъ! зачѣмъ ему связали руки, зачѣмъ не дали воли въ эту минуту?—Онъ умеръ-бы—но какъ взмахнула бы послѣдній разъ его удалая рука и что бы онъ сдѣлалъ этимъ предсмертнымъ ударомъ...

— Смерти вамъ, что-ли, моей надо? продолжалъ Оома. — Убить меня охота? Такъ сколь угодно: убей! Твой я, весь тутъ — возьми, собачья образина!

— Молчи, поганая тварь, молчи, глурь! зашипѣлъ, наконецъ, очнувшись Абдуль-Мумынъ: вѣдь сейчасъ убить тебя, невѣрная гадина!!

— А убей! Ты думаешь, что испугаешь, застрашаешь? Вей! Сейчас вели стрѣлять своей сволочью, вели! — Русский, братъ, даже несколько смерти не боятся, вдругъ перешелъ онъ въ тихій, спокойный, почти вроткій тонъ, — какъ будто сожалѣя, что погорячился раньше — и даже по привычкѣ назвалъ Мумина «братъ».

Много свирѣпыхъ глазъ уставилось въ средину круга. Народъ зашевелился и сталъ давить къ срединѣ. Со всѣхъ сторонъ торчали въ чалмахъ головы на вытянутыхъ шеехъ, одни съ стиснутыми зубами, другіе открывши рты. Всѣ глаза сверкали злостью, всѣ руки сжались сами въ кулаки, все тянулось къ плѣнному солдату. Казалось еще минута — и толпа не выдержитъ, сорвется съ цѣпи, и ея не удержать тогда никакому войску. Еще минута, и она ужъ не позволить никому другому убить безъ нея «гаура»: она сама его задушитъ своими руками.

Какое-то глухое, страшное рычанье зловѣще прокатилось въ этой ужасной толпѣ.

Абдуль-Муминъ, казалось, понялъ это отлично и вдругъ смолкъ, что-то соображая. Упершись всѣмъ тѣломъ на одну ногу и откинувшись назадъ, стоялъ онъ неподвижно передъ солдатомъ. Зловѣще сжались старческія губы, какъ-то бѣшено прищурились и искосились его узенькіе глазки. Правая рука судорожно вцѣпилась въ сѣдую бороду. Онъ былъ хищникъ, ястребъ, завидѣвшій добычу, — голодный шакалъ, почуявшій свѣжую, дымящуюся кровь.

Но это длилось недолго. Какъ вычищенный ножъ въ лунную ночь, блеснули злые бѣлки изъ-подъ слезистыхъ старческихъ рѣсницъ Мумина. Онъ взмахнулъ рукой своимъ солдатамъ.

— Взять и разстрѣлять эту паршивую собаку! крикнулъ онъ имъ.

Данилова стало не видно за кинувшимися къ нему коканцами.

— А-а! а-а! вдругъ загудѣла площадь, и толпа зашаталась, задвигалась отъ радости, что наконецъ дождалась давно желаннаго ей слова.

13. Последній часъ.

Задвигались, забѣгали, засуетились солдаты и джигиты по площади. Осаживали и отгоняли народъ, чтобы очистить мѣсто, везли

арбу на середину. Народъ толкался впередъ, лѣзъ на крыши, на возы, выбирался на мечеть, чтобы лучше видѣть, какъ станетъ биться и просить прощенія плѣнная собака, и какъ, наконецъ, застрѣдятъ храбрые коканскіе солдаты поганого «глаура».

Прошло немного времени, и арба уже стояла готовая на чистомъ мѣстѣ площади. Готовы были и веревки, и ружья.

Народъ началъ стихать.

Коканцы подошли къ Данилову и зажали за веревку, которою были связаны ему руки. Даниловъ вздрогнулъ, но не сказалъ ни слова.

Съ него стали снимать одежду. Чужія меловкія руки стали неприятно бѣгать пальцами по тѣлу, разстегивая пуговицы.

Сняли кепку, сняли шинель, сняли кожаные штаны, сняли солдатскую рубаху.

Взялись коканскія руки за солдатскіе сапоги. Даниловъ не выдержалъ.

— На что сапоги снимать хочешь? Оставь, сказалъ онъ и дернулъ ногой.— Оставь, говорю! крикнулъ онъ еще разъ на коканца, когда тотъ снова взялся-было за сапогъ.—Погоди малость, лыса башка: все твое будетъ, прибавилъ онъ спокойно. Убьете, тогда снимете.

Показалась-ли коканцамъ убѣдительно русская солдатская рѣчь, или они слишкомъ торопились поскорѣе покончить съ нимъ,—только спорить они не стали и отступились отъ Даниловыхъ сапогъ.

— Повели! ведутъ, ведутъ! повели собаку, ведутъ глаура! заревѣлъ народъ на площади, на крышахъ, на стѣнахъ, на возахъ, на мечета, и приготовился смотрѣть.

Полунагого Данилова солдаты подвели къ арбѣ, приставили къ колесу и накиннули на руки, выше локтей, петли.

— Гдѣ сталь-то, тутъ? спросилъ Даниловъ и прислонился къ огромному колесу спиной.

Черезъ минуту онъ стоялъ у арбы одинъ, привязанный къ спицамъ колеса. За нимъ не было никого. Передъ нимъ, въ десяти шагахъ, стояли десять коканцевъ съ ружьями. А дальше, за ними, цѣлыя тучи чалмъ, ермолокъ, шапокъ, халатовъ. Огромная толпа пестрѣла разноцвѣтными халатами, надъ которыми качались бѣлыя,

красныя и пестрыя чалмы. Какъ на праздникъ, на большое представлѣніе фокусника сбѣжались эти тысячи людей и давили другъ друга, чтобъ лучше видѣть, поближе посмотрѣть, какія штуки будетъ выдѣлывать гауръ.

Обвелъ Оома глазами кольцо народа — всѣ эти чалмы, всѣ халаты, пѣшихъ и конныхъ, всю эту народную громаду. Ни одного-то русскаго лица, ни одной пары русскихъ глазъ, ни одной родной души среди этихъ тысячъ. Одинъ онъ, совсѣмъ одинъ, какъ перстъ, съ російской душой противъ цѣлаго чужаго и жаждущаго его смерти народа. Одинъ онъ, единственный его мѣдный крестъ виситъ на его голой русской груди передъ десяткомъ тысячъ мусульманъ, заклятыхъ врагомъ гаурскаго креста. Нѣтъ никого, кто хотъ бы взглянулъ въ эту послѣднюю минуту добрымъ взглядомъ, хотъ пожалѣлъ бы про себя несчастнаго и одинокаго солдата.

Одинъ онъ стоялъ передъ грознымъ Муминомъ. Одинъ сказалъ всему народу, что не продастъ своей души. Одинъ онъ и помереть.

— Господа! хотъ Ты видишь меня теперь! сказалъ шопотомъ Оома, взглянувши на небо.

Онъ пятапулъ веревки, которыми была привязана правая рука, и перекрестилъ себѣ неловко грудь.

Мелкій, сдержанный шумъ стоялъ кругомъ отъ тихо говорившаго народа. Но вотъ среди этого шума вдругъ услышалъ Оома, какъ шелкають курки у ружей.

Онъ взглянулъ на кожанскихъ солдатъ.

Въ черныхъ бараньихъ шапкахъ, въ курточкахъ, широкихъ кожаныхъ штанахъ, обвѣшанные кругомъ оружіемъ стояли неровнымъ строемъ десять человѣкъ передъ его открытой грудью, приготовивъ ружья, изъ которыхъ ни одно не походило на другое.

Къ нимъ въ это время выѣхалъ верхомъ какой-то начальникъ съ саблей на-голо. Всѣ десять человѣкъ повернули къ нему свои загорѣлыя звѣрскія лица.

Начальникъ поднялъ саблю вверху.

Все замерло.

Всѣ тысячи народа смодели, точно пропали вдругъ. Всѣ тысячи глазъ впилась въ одну грудь съ мѣднымъ крестомъ и въ концы десяти ружей, направленныхъ противъ этой груди.

Жутко стало Оомѣ средь этой тишины. Онъ поблѣднѣлъ и крѣпче прижался къ колесу.

— Стрѣлай! крикнулъ въ эту минуту коканскій голосъ.

Десять стволовъ противъ груди и головы Оомы.

Настала гробовая тишина.

— Ишь, словочин, какъ ружья-то шатаютъ: еще не попадутъ, какъ слѣдъ, невольно мелькнуло въ головѣ Оомы, когда онъ увидалъ, какъ заходили ружья въ неумѣльных коканскихъ рукахъ.

— Помилуй Господи! прошептали сами губы, когда два дула навелись ему въ глаза.

Дымъ закрылъ другія, и онъ уже не видѣлъ ничего больше.

Не ровно, другъ за другомъ выпалили десять ружей, и отъ ихъ треску вздрогнулъ весь народъ и снова замеръ.

Стоявшій русскій около арбы вдругъ тяжело опустился къ низу и повисъ неловко на веревкахъ. Грудь тяжело и рѣдко дышала. Руки подергивало, какъ будто тѣло хотѣло приподняться. Безсильно была съ усаемая голова, изрѣдка отрывая страшные, уже омертвѣлые глаза.

Ему суждено было жить еще около часу.

Какой-то шопоть пролетѣлъ по площади, и среди этого шопота не раздалось ни одного рѣзкого крика. Народъ сталъ тихо расходиться.

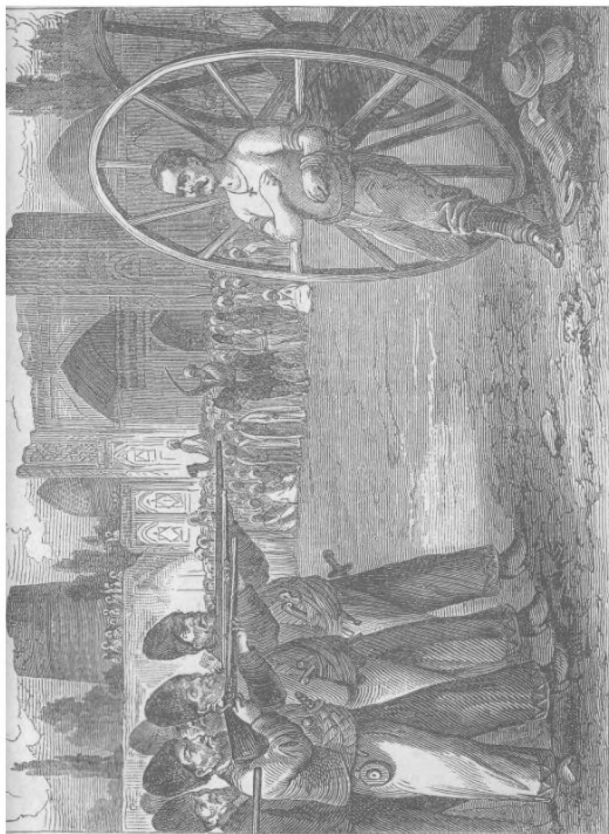
— Батырь, батырь, урусъ; батырь *) солдатъ! слышалось почти вездѣ.

Такъ погибъ русскій человѣкъ Оома Даниловъ.

14. Конецъ войны съ Коканомъ.

Какъ разъ въ день Рождества Христова выступилъ русскій отрядъ съ генераломъ Скобелевымъ изъ Намаятана, чтобы окончательно покончить съ коканскимъ бунтомъ. Войска шли къ Андиджану, гдѣ опять Автобачи собиралъ кипчаковъ. Разбивъ по дорогѣ нѣсколько шаекъ и разоривши ихъ деревни, русскіе 8-го января второй разъ пошли на штурмъ города Андиджана и взяли его. Но Автобачи не унывалъ и вскорѣ было получено извѣстіе, что у него

*) Богатырь, герой.

снова 15 тысячъ войска, съ которымъ онъ идетъ на Андижанъ, чтобы взбунтовать жителей и напасть на русскихъ въ располхъ. Генералъ Скобелевъ двинулся съ войсками ему на встрѣчу. Автобачи отошелъ къ городу Ассакѣ, гдѣ и произошло сраженіе. Хотя коканцы и сломали мостъ черезъ оврагъ съ рѣчкой, но русскіе перешли ее въ бродъ и погнали непріятеля по Маргеланской дорогѣ, гдѣ произошла новая стычка съ коканской пѣхотой, — послѣ чего отрядъ вернулся въ Андижанъ.

Съ слѣдующаго же дня коканцы прислали изъ двухъ городовъ своихъ старшинъ съ покорностью. Абдурахманъ-Автобачи самъ сдался русскимъ, вмѣстѣ съ 28 предводителями шаякъ и 700 вооруженныхъ джигитовъ.

Но на свободѣ оставался еще самозванецъ Пулатъ-ханъ, который не думалъ оставить такъ скоро дѣло. У него были свои шайки, свои предводители, свои джигиты и войска.

Въ это время многіе изъ коканскихъ жителей, рѣшительно измученные войной и смутами, задумали снова призвать къ себѣ прогнаннаго молодого хана, который бѣжалъ за русскую границу и жилъ въ г. Ходжентѣ. Узнавши, что въ Коканѣ вспомнили о немъ, онъ переѣхалъ въ крѣпость Махрамъ, гдѣ стояли русскіе. Вскорѣ дѣйствительно прибыли отъ города Кокана къ нему посланники и позвали къ себѣ. Но въ томъ же Коканѣ сидѣлъ главнымъ начальникомъ Абдула, котораго посадилъ Пулатъ-ханъ. Насреддинъ съ своимъ небольшимъ войскомъ побоялся прямо войти въ городъ, и остановился около него. Такъ простоялъ онъ три дня, а на четвертый Абдулъ разбилъ его, и Насреддинъ снова бѣжалъ къ русскимъ въ Махрамъ. Но черезъ нѣсколько дней Насреддина снова призвали коканцы и посадили на ханскій престолъ.

Посадили, однако, его они не даромъ. Скоро стало извѣстно, что главными его совѣтниками и приближенными сдѣлались коканскіе муллы и люди, которые всегда были врагами русскихъ, такъ что, хотя Насреддинъ и ничего не выказывалъ еще противъ Россіи, но на него надежда была плохая.

Тѣмъ временемъ Пулатъ-ханъ бѣжалъ въ горы. За нимъ былъ посланъ конный русскій отрядъ, который нечаянно напалъ на него ночью въ Учъ-курганѣ и совершенно разсѣлъ его шайку.

Вскорѣ послѣ этого послѣдняго боя изъ всѣхъ главныхъ городовъ Коканскаго ханства стали пріѣзжать депутаты съ покорностью въ г. Андижанъ, гдѣ все время продолжалъ стоять нашъ отрядъ. Изъ Маргелана коканды привезли въ сдачу 17 пушекъ. Всѣ посланные просили принять ихъ въ русское подданство, чтобы избавить отъ ужасныхъ смутъ и безпорядковъ.

Чтобы навсегда покончить въ Коканскомъ ханствѣ съ бунтами, которые при Насреддинѣ могли снова начаться, приказано было занять городъ Коканъ.

Февраля 8-го 1876 года русскія войска вступили въ Коканъ, гдѣ ихъ встрѣтили съ почетомъ жители и сдали 62 пушки и порохъ.

Февраля 19 числа, въ день двадцать-второй годовщины своего царствованія, Государь Императоръ повелѣлъ присоединить къ Россіи все Коканское ханство и назвать его Ферганскою областью.

Въ ночь на то-же самое число былъ пойманъ, наконецъ, скрывавшійся въ горахъ самозванецъ Пулатъ-ханъ, а вслѣдъ за нимъ и его первый помощникъ Абдулъ-Мумынъ. Тотъ и другой за совершенныя ими звѣрства и убійства русскихъ плѣнныхъ повѣшены: Пулатъ 29-го февраля на площади въ Маргеланѣ, Мумынъ — 3-го марта въ Ташкентѣ.

